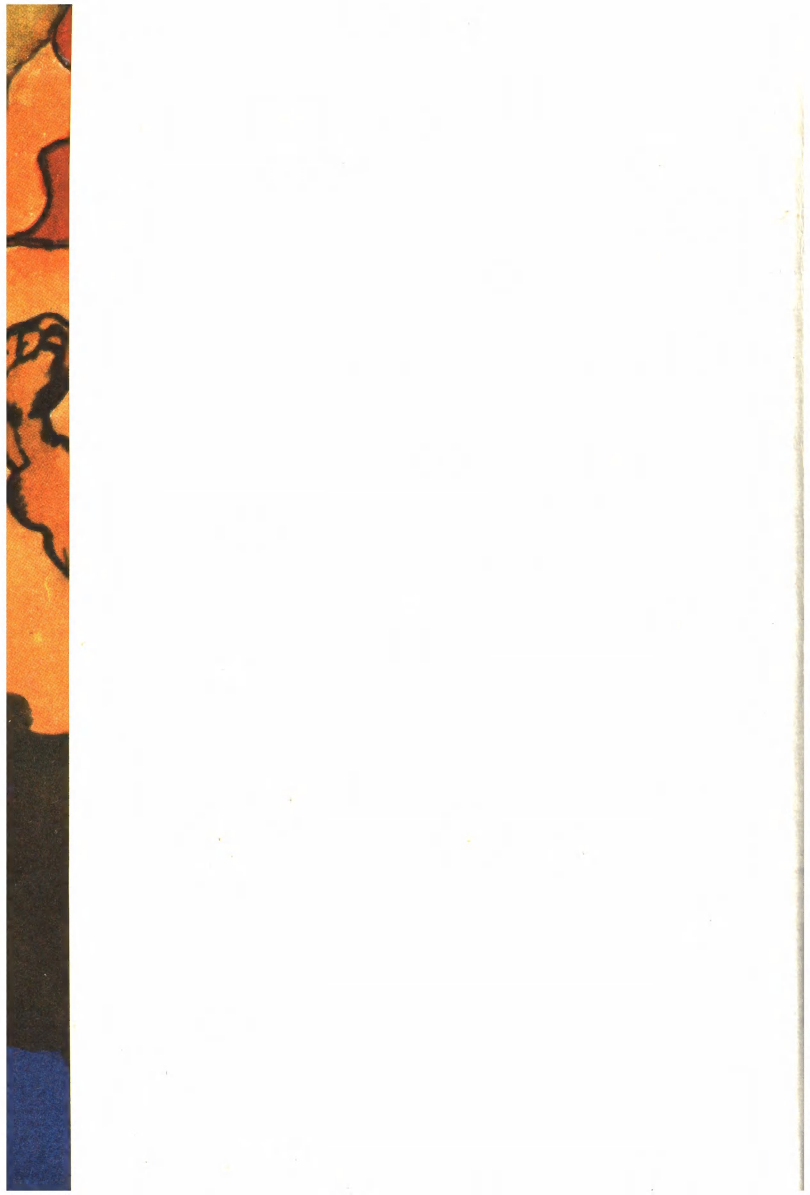
ученые * ДЭ * школьнику

О. Н. Михайлов

Бородино

[Би]блиотечка
[дет]ской
[энц]иклопедии

[Ре]дакционная
[ко]ллегия:
[И.] *В. Петрянов*
[(гл]авный редактор),
[И.] *Л. Кнунянц,*
[А.] *Л. Нарочницкий*

О. Н. Михайлов

Бородино

Москва
«Педагогика», 1982

ББК 63.3(2)47
М 69

Рецензенты: доктор исторических наук
Хаджи-Мурат Ибрагимбейли,
член Союза писателей СССР
В. И. Лихоносов

Михайлов О. Н.
М 69 Бородино. — М., Педагогика, 1982. — 128 с., ил.— (Б-чка Детской энциклопедии «Ученые — школьнику»)
30 коп.

Книга О. Н. Михайлова — известного советского писателя, историка, кандидата филологических наук, автора ряда документальных изданий (среди них — «Суворов», «Державин» и др.) — посвящена Бородинской битве. На основе большого фактического материала и новейших исследований дается анализ общественно-политической жизни России, рассказывается о героическом подвиге русского народа в Отечественной войне 1812 г.
Для старшеклассников.

М $\frac{4306000000-064}{005(01)-82}$ КБ-61-13-1981 ББК 63.3(2)47
9

«Недаром помнит вся Россия...»

Вместо предисловия

Битва на Чудском озере, Куликово поле, Бородино, Сталинград — они остались навечно в исторической памяти нашей страны. Как символы победы и возрождения, как воплощение священного народного гнева против захватчиков, посягнувших на родные земли, на мирные очаги, на само существование Русского, а затем Советского государства. Наконец, как неиссякаемый источник горячего патриотического чувства, связывающего прошлое с настоящим. О неразрывности этих двух начал — прошлого и настоящего — Пушкин сказал:

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

(На них основано от века,
По воле бога самого,
Самостоянье человека,
Залог величия его).

Патриотизм всегда воспринимался передовыми умами России как могучая сила, способная преобразовать и двинуть дальше, к социальному переустройству великую страну.

«Я всеми фибрами своей души принадлежу русскому народу, — писал А. И. Герцен, — я работаю на него, он работает во мне, и это вовсе не историческая реминисценция, не слепой инстинкт и не кровная связь, а следствие того, что я сквозь кору и туман, сквозь кровь и зарево пожаров, сквозь невежество народа и цивилизацию царя вижу огром-

ную силу, важный элемент, вступающий в историю рядом с социальной революцией, к которой старый мир пойдет волей-неволей, если он не хочет погибнуть или окостенеть».

Герцен завещал нам любовь и уважение ко всему, что помогало выстоять нашей Родине и способствовало ее превращению в великое государство. Славные «птенцы гнезда Петрова» в XVIII в. успешно выполнили начатую волей Петра историческую миссию по укреплению страны в ее теперешних границах. Деятельность Суворова, Румянцева, Потемкина, Державина связана исторической преемственностью со спасителем Отечества М. И. Голенищевым-Кутузовым, с певцом 1812 г. В. А. Жуковским, наконец, с юным Пушкиным и «Войной и миром» Л. Н. Толстого. Какое же событие могло подвигнуть в XIX веке на столь грандиозный труд, как не Отечественная война 1812 г.?

Вторжение неприятеля в пределы России, кульминационное Бородинское сражение, пожар Москвы, напряженная — и победная наконец! — борьба с армиями Наполеона вызвали могучий подъем в народе.

«Народ этот, — заметил, говоря о России, А. И. Герцен, — убежден, что у себя дома он непобедим; эта мысль лежит в глубине сознания каждого крестьянина, это — его политическая религия. Когда он увидел иностранца на своей земле в качестве неприятеля, он бросил плуг и схватился за ружье. Умирая на поле битвы «за белого царя и пресвятую богородицу», — как он говорил, — он умирал на самом деле за неприкосновенность русской территории».

Война 1812 г. явилась поворотным пунктом в духовной жизни огромной страны. Не только взрослые — дети жадно следили за событиями. Как вспоминал декабрист И. И. Пущин, «жизнь наша лицейская сливается с политической эпохой народной

жизни русской: приготовлялась гроза 1812 г. Эти события сильно отразились на нашем детстве... мы провожали все гвардейские полки, потому что они проходили мимо самого Лицея, мы всегда бывали тут при их появлении, выходили даже во время классов, напутствовали воинов сердечной молитвой, обнимались с родными и знакомыми. Усатые гренадеры из рядов благословляли нас крестами. Не одна слеза была тут пролита... Когда начались военные действия, всякое воскресенье кто-нибудь из родных привозил реляции. Читались наперерыв русские и иностранные журналы при неумолкаемых толках и прениях, всему живо сочувствовалось у нас...» В толпе лицеистов стоял и юный Пушкин,

Завидуя тому, кто умирать
Шел мимо нас...

Закономерным было патриотическое единодушие всех передовых представителей русского общества.

Сорокашестилетний историк и писатель Н. Карамзин, благословив на войну поэта В. Жуковского и историка К. Калайдовича, сказал последнему: «Если бы я имел взрослого сына, в это время ничего бы не мог пожелать ему лучшего». Когда французские войска приблизились к Москве, он покинул ее одним из последних. Уничтожая вторгнувшегося неприятеля, русские, по его словам, исполнили «закон государственный, который не принадлежит религии, но также дан богом: закон естественной обороны, необходимый для существования всех земных тварей и гражданских обществ».

Разбуженный громом Отечественной войны, к патриотической лирике обращается В. А. Жуковский. «Тишайший» русский поэт становится — «потому что в это время всякому должно быть военным» — поручиком московского ополчения, пишет красноречивые приказы за генерала И. Н. Скобелева, адъю-

танта Кутузова, наконец, создает главный памятник патриотического воодушевления — «Певец во стане русских воинов», где звенящими похвалами осыпаны герои двенадцатого года.

Если уж совершенно далекий от ратных дел Жуковский надел военный мундир, то что говорить о Денисе Давыдове, проведшем бо́льшую часть жизни в армии — до Отечественной войны он выдвинулся уже в финляндском и в турецком походах, а впоследствии принимал участие в персидском и польском. Денис Давыдов первым предложил Кутузову начать против Наполеона партизанскую борьбу и своими успешными действиями заслужил высокую похвалу фельдмаршала: «Удачные опыты твои доказали мне пользу партизанской войны, которая нанесла, наносит и нанесет еще неприятелю много вреда...»

Среди бесчисленных примеров отваги и самопожертвования, совершенных героями двенадцатого года, выделяется подвиг генерала Н. Н. Раевского. Находясь в авангарде армии Багратиона, он, выходя из окружения у деревни Салтановка, бросился на французов с двумя сыновьями — Александром и Николаем (правнуками М. В. Ломоносова), когда одному было пятнадцать, а другому — одиннадцать лет...

Небывалый патриотический подъем 1812 г. затронул глубинные слои русского трудового народа вопреки социальной пропасти, существовавшей между помещиком и крестьянином, вопреки крепостническому гнету и произволу. Смертельная опасность, нависшая над Россией, всколыхнула крестьянскую, народную массу. «Все распоряжения и усилия правительства были бы недостаточны, — отмечал участник войны и будущий декабрист И. Якушкин, — если бы народ по-прежнему остался в оцепенении. Не по распоряжению начальства жители, при приближении

французов, удалялись в леса и болота, оставляя свои жилища на сожжение; не по распоряжению начальства выступало все народонаселение с армией из древней столицы».

Только народная война могла сломить могучую армию, вторгшуюся в Россию, во главе которой стоял один из величайших полководцев, каких знала история.

«Вся Европа дрожала перед Наполеоном. Ему не стоило большого труда завоевать любое государство. Наполеон умел в одно мгновение решать участь целых материков, обнаруживая при этом... неуклонность в достижении намеченной цели».

Революционная Франция и до Наполеона вела войны. Но они были национальные и направлены против феодальных монархий Европы. Наполеон же с первых шагов предал забвению революционные лозунги и последовательно шел к личной диктатуре: сначала стал первым консулом, потом итальянским королем, а затем императором Франции. Разгромив революцию внутри своей страны, он продолжил прогрессивные преобразования только в одной области: ведении войны. Борьба за рынки сбыта и рост промышленного развития Франции заставили Наполеона вести в течение многих лет кровопролитнейшие войны. Но еще задолго до того, как республика в 1804 г. превратилась в империю, до того, как на место гордого лозунга «Liberté, Egalité, Fraternité!» («Свобода, Равенство, Братство») — явилась деспотия личной власти и тяжелые золотые орлы уселись на древки имперских штандартов, начали меняться ее идеалы. Освободительные войны сменились захватническими еще с конца 90-х гг. XVIII столетия и продолжились при Наполеоне грабительскими походами в Италию и Голландию, установлением протектората над Швейцарией, захватом Ганновера, насильственным присоединением Генуэзской республики.

Военные успехи французской армии в Аустерлицком сражении (1805), при Йене (1806) и под Ваграмом (1809) привели к необычайному расширению империи. Наполеон стал повелителем всей Западной и Центральной Европы, исключая островную Великобританию. После неудачи в битве при Фридланде (1807) и выхода Пруссии из антинаполеоновской коалиции русское правительство заключило с Францией Тильзитский мир, присоединилось к континентальной блокаде, имевшей целью экономическое удушение Англии, и объявило ей войну.

Однако, вынужденная пойти на эти меры, Россия настороженно относилась к экспансии Франции и явилась главной силой на континенте, препятствовавшей Наполеону осуществить его планы завоевания мирового господства. Это понимал и сам Наполеон, говоря: «Без разгрома России континентальная блокада — пустая мечта». К 1810 г. между Францией и Россией не существовало уже ни одного вполне независимого государства. Все они покорились одной воле, воле завоевателя, который еще после заключения Тильзитского мира сказал своим приближенным: «Через пять лет я буду господином мира, остается одна Россия, но я раздавлю ее...»

Русский народ не позволил ему этого. Весь народ участвовал в изгнании многоплеменной неприятельской армии. К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали, что русские «своими бесчисленными войсками решили падение Наполеона». И Бородинская битва, схватка не на жизнь, а на смерть двух армий, явилась апогеем всей кампании 1812 г.

Есть «день Бородина», который «помнит вся Россия», — знаменитое 26 августа (7 сентября) 1812 г.[1], и есть «время Бородина» как символ сопротивления и победы над наполеоновским нашествием. Успешное

[1] Все даты в книге даются по старому стилю.

отступление обеих русских армий, соединение Багратиона с Барклаем-де-Толли, бой под Смоленском — все это подготовило войска к Бородинскому сражению, равно как и пожар Москвы, битвы под Малоярославцем, Вязьмой, Красным были следствием Бородина, на полях которого была измотана и в значительной степени обескровлена вражеская армия. «Непреодолимое мужество офицеров и солдат восторжествовало над неприятелем и над всеми невзгодами, — писал один из очевидцев битвы, — а победа под Бородиным останется до окончания мира военным памятником геройства россиян». Бородино воспето лучшими поэтами России. Оно служит потомкам примером высокого патриотического горения. На полях Бородина героическую эстафету своих славных предков приняли воины Советской Армии, громившие фашистских захватчиков в самые грозные дни Великой Отечественной войны.

«С 9 по 17 октября, — вспоминает об осени сорок первого года бывший командующий 5-й армией генерал армии Д. Д. Лелюшенко, — и в последующие дни Красная Армия нанесла крупное поражение вражеской группировке, рвавшейся к Москве, уничтожив 200 танков, тысячи солдат и офицеров. После Бородино противник вынужден был, неся большие потери, расчленить свою танковую группировку, наступать не более чем по три километра в сутки, а к концу октября и вовсе перейти к обороне. Это было началом нашей победы».

Немеркнущий ратный подвиг совершила на Бородинском поле 32-я стрелковая Сибирская дивизия, обороняя подступы к Москве зимой сорок первого года. Она несколько суток отражала атаки четырех немецких дивизий, поддерживаемых самолетами и танками, но выстояла на легендарной земле Бородина, не пропустив врага к столице. В тех боях смертью героя погиб командир дивизии полков-

ник В. И. Полосухин, именем которого названы ныне улицы в Москве, Можайске, Новокузнецке.

Так богатыри нашего советского времени через сто с лишним лет достойно продолжили и умножили славу богатырей двенадцатого года.

Битва на Чудском озере, Куликово Поле, Бородино, Сталинград — в этих славных сражениях народ отстоял свое право на независимость, отразил смертельную опасность, нависшую над родной землей, в разные эпохи и в различных социальных условиях. Но очевидна историко-героическая преемственность, связывающая далекие друг от друга события. В соответствии с этим построено и художественное оформление нашей книги, где в смене эпох, государственных формаций, общественного строя как бы проиллюстрированы вещие слова, сказанные еще Александром Невским «Кто с мечом к нам войдет, от меча и погибнет...»

Нашествие

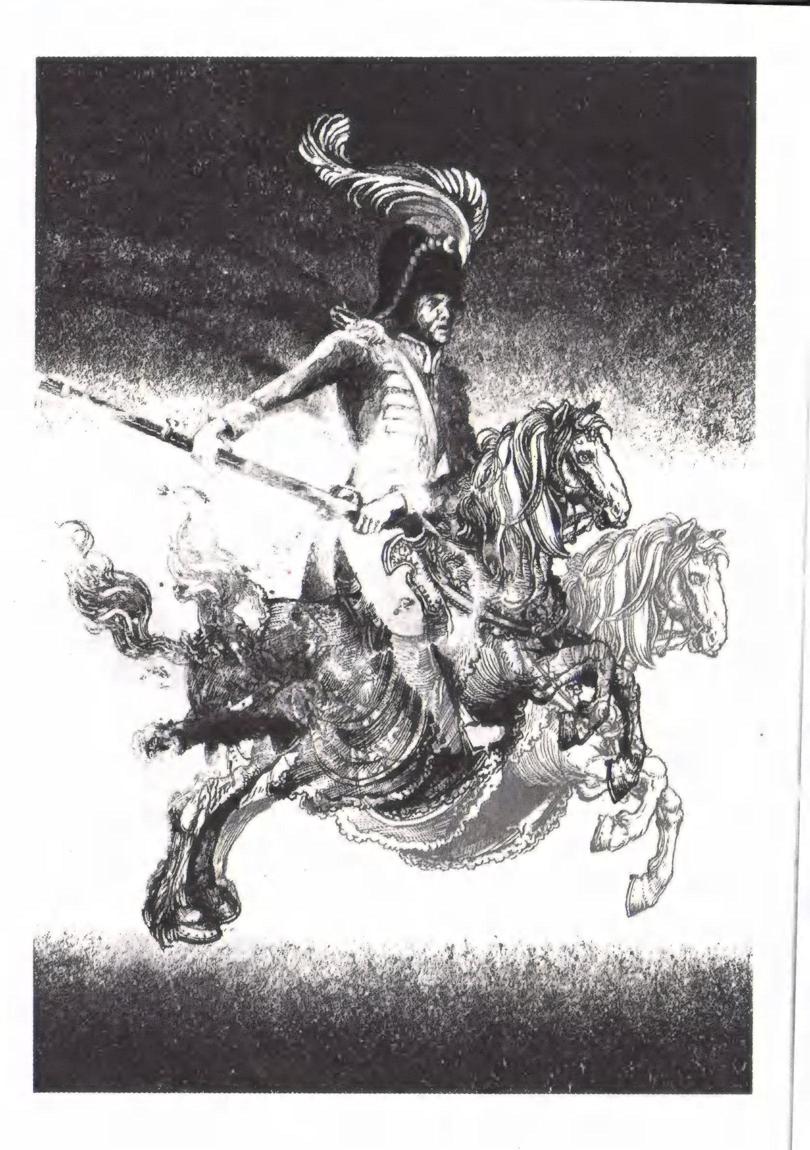
Неизбежность войны с Наполеоном сделалась очевидной уже с конца 1810 г. По условиям Тильзитского мира Россия принуждена была подчиниться континентальной блокаде, в силу которой все русские порты были закрыты английским судам. Однако для взаимовыгодной торговли с Россией англичане начали пользоваться кораблями, плававшими под флагами нейтральных стран. На требование Наполеона не впускать эти суда в порты или конфисковывать товары Александр I ответил отказом. Трещина, наметившаяся в непрочном Тильзитском союзе, только расширилась после того, как Наполеон присоединил в июне 1810 г. к Франции Голландию, а в декабре некоторые владения германских князей, и среди них Ольденбург, вотчину герцога,

приходившегося русскому царю родным дядей. Русское правительство заявило протест и одновременно ввело новые пошлины на предметы роскоши, ввозимые из Франции. Наполеон в свой черед заявил протест и недвусмысленно написал Александру: «У меня внезапно явилась мысль, что ваше величество намерено войти в соглашение с Англией — это равносильно войне между обеими империями».

Так на границах России вырос грозный призрак — Наполеон, «мнимый представитель буржуазной революции, в действительности же деспот внутри своей страны, завоеватель по отношению к соседним странам».

Во взаимных укорах и взаимных мирных заверениях Наполеона и Александра I прошел весь 1811 год. Умножая свои войска, каждый из императоров объяснял другому, что это вызвано убылью в полках. Однако и силы и степень готовности к войне двух самых могущественных держав континента были неравны. Французская империя ненасытно готовилась к новым завоеваниям и была превращена в один большой лагерь. К началу 1812 г. полмиллиона ее войск уже толпилось между Рейном и Одером.

С трепетной надеждой следили народы Европы за возгоравшейся войной. Они желали ее и вместе с тем ее страшились, так как война эта должна была либо освободить их от чужеземного ига, либо довершить всемирное владычество завоевателя. Покорение Наполеоном России стало бы преддверием к величайшим изменениям, которые неизбежно должны были произойти в Европе. На полях нашего Отечества решалась судьба множества государств. Управляться ли каждому из них прежними законами или уложениями Бонапарта? Иметь ли свою монету, меры, вес, или принимать то, что введено во Франции? Отправлять ли торговлю путями, обусловлен-

ными взаимными потребностями народов, или подчиниться самоуправству французских таможенных постановлений? Быть ли государством самостоятельным или всем европейским странам превратиться в одно общее государство с общей столицей — Парижем?

Неприятельские войска час от часу все более скоплялись на Немане. Число их достигло 600 тыс. строевых, а с нестроевыми — до 700 тыс. В армии находилось до 180 тыс. лошадей и 1372 орудия, в том числе 130 осадных. О беспрестанном умножении войск и приготовлениях их к переправе сообщили лазутчики, беглецы, наконец, и русские передовые цепи. В ночное время слышны были с другого берега движение пехоты, бряцание сабель, топот и ржание лошадей. Со 2 июня 1812 г. вообще прекратилось всякое сообщение с противоположным берегом Немана.

10 июня Наполеон продиктовал следующий Приказ:

«Солдаты! Вторая война Польская началась. Первая кончилась под Фридландом и Тильзитом. В Тильзите Россия поклялась на вечный союз с Францией и войну с Англией. Ныне нарушает она клятвы свои и не хочет дать никакого изъяснения о странном поведении своем, пока орлы французские не возвратятся за Рейн, предав во власть ее союзников наших. Россия увлекается роком! Судьба ее должна исполниться. Не почитает ли она нас изменившимися? Разве мы уже не воины аустерлицкие? Россия ставит нас между бесчестием и войною. Выбор не будет сомнителен. Пойдем же вперед! Перейдем Неман, внесем войну в русские пределы. Вторая Польская война, подобно первой, прославит оружие французское; но мир, который мы заключим, будет прочен и положит конец пятидесятилетнему кичливому влиянию России на дела Европы».

Приказ был разослан не по всей армии. Наполеон запретил отдавать его в двух корпусах — австрийском и прусском. Он справедливо полагал, что вос-

торженные слова его не произведут желаемого действия на союзников, в искренности которых он сомневался...

На следующий день передовые неприятельские разъезды в разных местах были уже на самом берегу Немана. Вдруг к одному из них подъехала сопровождаемая двумя всадниками карета и остановилась посреди биваков польского конного полка. Из кареты вышел Наполеон со своим начальником главного штаба Бертье. Оба сбросили с себя мундиры. Наполеон надел сюртук и фуражку польского полковника и вместе с Бертье, тоже переодевшимся, поехал в направлении Ковно, от которого биваки[1] были расположены в одном пушечном выстреле. Он сошел с лошади и долго осматривал окрестность, а потом приказал навести к вечеру три моста через Неман между Ковно и Понемунями.

На всем этом пространстве, почти возле самого Немана стояли пехота, конница и артиллерия в густых, необозримых колоннах. Запрещено было разводить огни и велено хранить величайшую тишину, чтобы никакой бивачный дым, никакой шум не выдавали присутствие неприятельских полчищ на рубеже России. Солнце село, наступила темнота, и Наполеон начал руководить переправой. При нем опущены были на воду понтоны, и триста поляков 13-го полка отчалили от берега на лодках. В несколько часов навели мосты, и после полуночи, 12 июня, они заколыхались под тяжестью войск, и малой доли которых не суждено было воротиться на родину. Радостно смотрел Наполеон на переправлявшуюся армию. Потом и сам он переехал на русский берег. Проскакав верст пять по сыпучему песку и печальному еловому лесу и не найдя никакого следа рус-

---

[1] В конце книги помещен словарь военных терминов того времени.

ских, завоеватель воротился к Неману. Пошел проливной дождь.

Так началась война, превзошедшая все войны, какие доселе освещало солнце.

Громадной массе войск, которыми располагал Наполеон, русские могли противопоставить только 200 тыс. солдат, собранных на западной границе империи. Хотя сверх того, по заключению мира с Турцией, из Дунайских княжеств спешила еще пятидесятитысячная армия, силы эти были еще так далеко, что рассчитывать на них можно было не скоро.

На севере Полесья, вправо и влево от Вильно, находилась 1-я армия Барклая-де-Толли в составе шести пехотных и трех кавалерийских корпусов общей численностью 127 тыс. человек. По южной стороне в окрестностях Волковиска расположилась 2-я армия в 80 тыс. солдат под начальством знаменитого ученика Суворова и любимца русского народа князя Багратиона. Впрочем, половину этой армии направили вскоре на юг, для защиты Волыни, и она составила здесь 3-ю армию генерала А. П. Тормасова. Западнее Багратиона, у Гродно, занимал позиции отдельный корпус войскового атамана Платова, собранный из 16 казачьих полков.

Одной из причин такой разбросанности русских сил была позиция войск Наполеона, стоявших от Кёнигсберга до Люблина, отчего и нельзя было предузнать, в каком месте вторгнутся они в Россию. Однако сама идея разъединения сил на две армии принадлежала прусскому генералу Фулю, кабинетному догматику и поклоннику Фридриха II. У прусского военного теоретика фон Бюлова он позаимствовал доктрину, согласно которой оборонительная война должна была непременно вестись двумя армиями: одна, отступая, увлекает за собой противника, между тем как другая наносит фланговый или тыловой удар. Согласно плану Фуля, 1-я армия должна была

заманить главные силы Наполеона, отойдя к заведомо укрепленному лагерю у города Дриссы, на правом берегу Западной Двины, а 2-я — ударить французам во фланг и в тыл. Однако на деле Дрисский лагерь представлял собой не сильно укрепленную позицию, а ловушку, в которой могла только погибнуть русская армия. Наступательный план действий, загодя предложенный Багратионом, был отвергнут.

План Наполеона заключался в следующем. Сам он с гвардией и корпусами Даву, Удино, Нея, Нансути и Монбрена — всего 250 тыс. человек — хотел устремиться из Ковно на Вильно, имея целью внезапным нападением на центр 1-й армии разбить ее прежде, чем она успеет собраться воедино. Брат его — король Вестфалии Жером с корпусами Понятовского, Ренье, Вандама и Латур-Мобура — всего 80 тыс. солдат — должен был из Гродно произвести наступательное движение против 2-й армии. Пасынок Наполеона Евгений, вице-король Италии, с корпусами своими, Сен-Сира и Груши, силою также в 80 тыс., врезáлся между двумя русскими армиями, пересекая взаимное сообщение и не давая им соединиться, а в случае сражения при Вильно примыкал к Наполеону. На оконечности левого фланга Макдональд переправлялся с 30 тыс. у Тильзита и угрожал русскому правому крылу. Князю Шварценбергу с австрийским тридцатитысячным корпусом вменялось идти на Слоним и там, судя по обстоятельствам, или обратиться против Багратиона, или заслонить от Тормасова путь действий главной армии Наполеона.

Русские войска находились в самом тяжелом положении.

Общего плана ведения кампании уже не было, так как и Александр I все более убеждался в гибельности доктрины Фуля. Не было и общего начальника, а в каждой из трех армий имелся отдельный главно-

командующий. Император со своей огромной свитой, состоящей из наушников, завистников, карьеристов, честолюбцев, только стеснял действия военного министра Барклая-де-Толли и усугублял трудности 1-й, или Западной, армии.

Но если русские троекратно уступали неприятелю в числе и вооружении, то, безусловно, превосходили его нравственной силой, кровным единством солдат, готовых беспрекословно положить свой живот за родную землю и ее святыни. Казалось, вздох облегчения вырвался из общей груди, когда на смену напряженному ожиданию пришла весть, принесенная начальником лейб-казачьего разъезда Жмуриным, о том, что Наполеон без объявления войны перешел Неман. Бо́льшую часть ночи с 12 на 13 июня в ставке русских войск никто не спал. Адмирал и поэт Шишков стремился всю пылкость своего красноречия вложить в приказ, отданный по армиям Александром I:

«С давнего времени примечали Мы неприязненные против России поступки французского императора, но всегда кроткими и миролюбивыми способами надеялись отклонить оные. Наконец, видя беспрестанное возобновление явных оскорблений, при всем Нашем желании сохранить тишину, принуждены Мы были ополчиться и собрать войска Наши, но и тогда, ласкаясь еще примирением, оставались в пределах Нашей империи, не нарушая мира, а быв токмо готовыми к обороне. Все сии меры кротости и миролюбия не могли удержать желаемого Нами спокойствия. Французский император нападением на войска Наши при Ковно открыл первый войну. И так, видя его никакими средствами непреклонного к миру, не остается Нам ничего иного, как призвав на помощь свидетеля и защитника правды, Всемогущего Творца Небес, поставить силы Наши против сил неприятельских. Не нужно мне напоминать вождям, полководцам и воинам Нашим о их долге и храбрости. В них издревле течет громкая победами кровь Славян...»

Не вступая с Наполеоном в сражение, 1-я армия отошла из Вильно в Свенцяны, выждав время, чтобы не оторваться от своего левого крыла.

П. И. Багратион

Д. С. Дохтуров

Дело в том, что в трудном положении оказался VI корпус Д. С. Дохтурова, которому пришлось искать пути, чтобы выскользнуть из петли, уготованной ему маршалом Даву. Дохтуров ускорил отступление, справедливо рассчитывая, что Наполеон мог другими корпусами остановить его на дороге к Свенцянам, куда в самом деле был уже послан кавалерийский корпус Нансути. 19 июня по самой плохой дороге, посредством 42-верстного перехода Дохтуров ушел и от Нансути, который бросился вперед проселками и нашел на дороге только следы колес.

От 1-й армии оказался отрезанным лишь авангард IV корпуса под начальством И. С. Дорохова, потому что приказ об отступлении ему не доставили в надлежащее время. Он очутился между колоннами, посланными Наполеоном против 2-й армии, и в этом положении находился неделю, ежедневно сталкиваясь с неприятелем. Его считали погибшим, но он, совершив скоростной маневр, спас свой отряд. Пехо-

та была так измучена, что у многих, по истощении всего пота, выступила под мышками кровь. Любовь офицеров к солдатам в егерских полках Дорохова была такова, что некоторые из них несли на своих плечах по два или три ружья солдатских; все верховые офицерские лошади были навьючены ранцами усталых. 20 июня Дорохов соединился с войсковым атаманом Платовым близ Волошина, потеряв только 60 человек.

Теперь уже было решено, во изменение прежнего плана, поспешно объединить обе русские армии, вследствие чего Багратиону и Платову послали приказание идти через Вилейку на сближение с 1-й армией. Однако соединить разрозненные войска было не так-то легко. Ошибка, допущенная с самого начала кампании, давала себя знать. Багратион неоднократно пытался прорваться на север, к Двине, но маршал Даву с превосходящими силами всякий раз преграждал ему путь.

Ко всем прочим трудностям, выпавшим на долю русских войск, отступавших ввиду превосходства неприятеля, добавились откровенно недоброжелательные и даже враждебные отношения между главнокомандующими двух армий — Барклаем-де-Толли и Багратионом.

Багратион был дерзок и пылок в своих полководческих устремлениях, неожиданных для противника комбинациях и опирался на безоговорочную веру в него солдат и офицеров. Окруженный французами, он бил неприятеля, совершал форсированные марши, менял направление, уверенный не только в том, что пробьется к 1-й армии, но и в том, что необходимы немедленные общие наступательные операции.

Барклая отличали выдержка и холодный расчет, в которых эмоциям не оставалось места. Он обладал широтой стратегического кругозора, но не понимал

и не принимал в расчет таких очень простых и важных понятий, как д у х солдата, р у с с к а я д у ш а. Барклай был тверд, выдержан, малообщителен и не пользовался любовью у солдат из-за своей надменности.

Однако вопреки всему он проводил единственно верную в сложившихся условиях отступательную стратегию. Император Александр уже не мешал ему: он покинул армию.

Между тем Наполеон с жадностью искал решающего сражения. Несмотря на то что войска его троекратно превосходили русских, несмотря на то что они заняли уже территорию, равную Пруссии, наконец, несмотря на то что взятием Вильно французскому императору удалось воспрепятствовать соединению обеих русских армий и даже отдалить их друг от друга, главная цель так и не была достигнута. Не только ни один корпус, но даже отдельный отряд или партизанский разъезд не был уничтожен или разбит. Русские отступали, часто с большим трудом, но обыкновенным воинским порядком.

Сразу после того как Наполеон перешел Неман, им овладело беспокойство и удивление. Он понял, что безмолвие русских было страшнее их сопротивления. Войдя в Ковно, император поразился отсутствию арьергардных частей противника вблизи города. Направляясь 15 июня к Вильно, он надеялся, что русская армия примет сражение под его стенами. Глазам своим не поверил Наполеон, когда увидел, что дефиле покинуты русскими и его авангард прошел их беспрепятственно. Это довело императора до бешенства; с его губ посыпались на русских обвинения и угрозы за то, что они не только неуязвимы, но и невидимы.

Оставалась еще надежда, что Барклай даст бой, защищая Дрисский лагерь.

2 июля французские войска начали наступление

на укрепление русских. При приближении к главным окопам, необычайно высоким и снабженным бойницами, у многих громко забились сердца. Но чем ближе подходили французы, тем становилось все тише — не было слышно ни звяканья оружия, ни покашливания, ни ржания лошадей. В любое мгновение французы ожидали громового залпа. Вдруг туман, застилавший им глаза, рассеялся. Тишина сменилась шепотом: за огромными окопами никого не было — ни одного солдата, лишь поверху бродил одинокий мужичок. Посланные патрули принесли известие, что русские на заре покинули свой лагерь.

Наполеон гнался за русской армией, тщетно пытаясь дать сражение, а Барклай избегал этого, стараясь сохранить армию. Маневры русских доводили Наполеона до приступов ярости. Французское командование сбилось с ног, ища неприятеля. Тем временем кавалерия таяла, пропадала, и оголодавшие артиллерийские лошади с трудом тащили орудия.

Начало постепенно сказываться и сопротивление мирного населения.

«Великая армия» Наполеона показала себя армией захватчиков и грабителей, несущих народам горе и разорение, еще задолго до вторжения в Россию, на пути к Неману, в немецких и польских землях. Во исполнение повелений Наполеона лошади, рогатый скот, повозки, хлеб Пруссии и Варшавского герцогства обираемы были беспощадно. Поселян принуждали везти последние остатки их имущества вслед за полками. Земли подвергались разорению, безнравственность в войсках увеличилась, крестьяне, насильно взятые в погонщики, начали убегать, уводя с собой лошадей.

Покидая Ковно, Наполеон был остановлен воплями окрестных жителей, бежавших из своих домов, куда ломились французы. Более четверти миллиона

войск, сосредоточенных в скудной и песчаной стране между Вилией и Неманом, не могли найти продовольствия ни для себя, ни для лошадей. Поля были потоптаны, целые деревни разметаны и разобраны для биваков. Устрашенные жители бежали в леса, угоняя с собой скот.

С каждым днем грабежи, нередко сопровождаемые убийствами, все усиливались, целые уезды претерпевали всеобщее разорение. Жалобы в литовских провинциях сменились на русской земле ропотом и угрозами. Молва о насилиях и реквизициях быстро передавалась из деревни в деревню, из города в город. Одни уходили в леса, другие следовали за русской армией со всем своим имуществом, семейством и скотом, предавая пламени все, что могло быть полезным неприятелю. Оставаться дома никто из русских жителей не хотел. «Умрем, а рабами не будем», — говорили в народе.

Так война, начатая Наполеоном против императора Александра I, незаметно, но неуклонно изменяясь, постепенно становилась войной народной, войной против иноземных захватчиков всего русского народа.

Уже почти месяц продолжалось отступление русской армии. Не видя в глаза французов и почти непрерывно отходя назад, солдаты роптали; офицеры, никого не стесняясь, открыто судили действия начальников. Нападали больше всего на Барклая-де-Толли. Многие считали его трусом и чуть ли не изменником. Багратион именовал военного министра по фамилии наполеоновского маршала — Даву. Но Барклай продолжал отступать.

11 июля 1-я армия приблизилась к Витебску, пройдя за четыре дня более ста верст и снова опередив неприятеля. Теперь оставалось ожидать вестей от Багратиона и Платова, которые, по предположению Барклая, могли пробиться к Витебску. 1-я армия

развернулась на левой стороне Двины, только VI корпус Дохтурова находился на правом берегу для наблюдения за французами.

Между тем на другой день Мюрат с корпусами, ведомыми из-под Дриссы, был уже на полпути от Полоцка к Витебску, и понеслись французские отряды, отсекая русским путь к югу, на Оршу. За Мюратом шли корпуса вице-короля Евгения, Сен-Сира, гвардия и ехал Наполеон. Французский император занимался распоряжениями к бою, от которого Барклай-де-Толли не имел намерения уклониться, ожидая с часу на час приближения 2-й армии. Он не знал, что Даву вновь отрезал Багратиону путь на север, заняв Могилев.

С рассветом 13 июля IV корпус Остермана встал на пути Мюрата. Русские сражались упорно и до десяти часов вечера не подавались назад. Когда начальника корпуса спросили, что он прикажет делать во избежание сильного урона, наносимого полкам картечными выстрелами, Остерман ответил: «Стоять и умирать...» К ночи его корпус сменила 3-я дивизия Коновницына, которая медленно отступила к Витебску. Арьергард 1-й армии поручили отважному генералу П. П. Палену.

Казалось, все предвещало близость генеральной битвы, предмета желаний Наполеона, стремившегося, по обыкновению своему, одним ударом решить участь войны. Привыкнув к победам, за которыми непосредственно следовало заключение выгодного мира, быв долгое время победителем на полях сражений, он еще не находил себе достойного соперника и ласкал себя уверенностью сокрушить русских.

Французская армия приблизилась к Витебску. На открытом воздухе расположились линиями несколько кавалерийских и пехотных полков с многочисленной артиллерией. Четыре большие колонны гвардейской пехоты образовали каре, в середине

которого были раскинуты три палатки — одна императорская, две другие для свиты. Наполеон несколько раз выходил из палатки и, опираясь на плечо офицера или солдата, рассматривал Витебск с окрестными холмами. За городом виднелась большая равнина, по которой маневрировали русские кавалерийские и пехотные полки. Французская армия разделяла со своим повелителем желание сразиться, веря, что битва, в успехе которой она не сомневалась, положит конец войне.

Русские не меньше пришельцев, наводнивших отечество, ждали боя.

С рассветом 15 июля французы тронулись к Витебску и завязали перестрелку с передовой цепью Палена. Лейб-казаки первыми кинулись в атаку. С гиканьем и свистом отборные донцы прорвали вражеский авангард и налетели на батарею, возле которой стоял Наполеон. Они произвели такую тревогу вокруг него, что на некоторое время император остановил все действия.

Когда прошла суматоха, французы опять двинулись вперед. Пален, сражаясь, отступал к берегам речки Лучесы в виду всей русской армии, стоявшей на возвышениях позади Витебска. Долго еще небольшой отряд удерживал все неприятельские силы, а затем, отойдя за Лучесу, умело воспользовался ее крутыми берегами для защиты бродов.

В это время на военном совете решалась участь генерального сражения. Начальник главного штаба 1-й армии А. П. Ермолов, видя невыгодность позиции для принятия боя, требовал немедленно отступить. Генерал-квартирмейстер Толь, напротив, утверждал, что должно принять сражение. Старший из генерал-лейтенантов Н. А. Тучков предложил удерживать место до вечера. Ермолов резко возразил ему: «Кто же вам поручится, что наша армия будет существовать до вечера? Может быть, вашим превосходитель-

ством заключено условие, по которому Наполеон обязывается не тревожить нас до вечера?..» После долгого раздумья Барклай приказал отступать.

До пятого часа дня отряд Палена сдерживал французов и отошел на другую сторону Витебска, оставив неприятеля, удивленного искусством совершенного маневра, в ожидании генерального боя. Поутру, на рассвете, Наполеон обнаружил, что русское войско исчезло как бы по мановению волшебного жезла. Маршалам было велено найти его, но, несмотря на быстроту форсированного марша французской армии, ей не удалось не только отыскать русских, но даже напасть на их след. Пройдя три версты за Витебск, неприятель не мог даже определить, в каком направлении совершалось отступление: нигде не было ни одной павшей лошади, ни забытой повозки, ни отставшего солдата.

Французы были настолько утомлены непрерывными переходами и наступившей сильной жарой, что Наполеон приказал приостановить наступательные действия и расположиться в Витебске. Ему нужно было время, чтобы собраться с мыслями и разработать дальнейший план войны.

На первом же переходе русской армии от Витебска прибыл адъютант Багратиона с известием об успешном сражении при Дашкове и беспрепятственном движении 2-й армии на соединение с 1-й. Таким образом, битва при Витебске ничего не дала бы для достижения той цели, к которой стремились Барклай-де-Толли и Багратион. «Хвала Барклаю, что после некоторого колебания решился он на спасительное отступление, — занес в свой дневник адъютант при главном штабе П. Х. Граббе, — хвала Ермолову, что способствовал тому доводами и убеждениями и настоял не дожидаться ночи, а сейчас...»

20 июля 1-я армия беспрепятственно отошла к Смоленску и расположилась на правом берегу Днеп-

ра. Через три дня с ней соединилась 2-я армия. Солдаты желали, просили боя. Подходя к Смоленску, они кричали: «Мы видим бороды наших отцов! Пора драться!»

На военном совете, собранном 24 июля, все — Багратион, начальники штаба обеих армий и командиры корпусов — высказались за немедленное наступление против центра неприятеля. Лишь уступая общему мнению, Барклай согласился с ними, но приказал распространить наступление не далее, как на три суточных перехода. Это была полумера, и несомненно опасная, ибо русской армии грозило быть отрезанной от Смоленска.

Три главные дороги вели из города: на северо-запад, к Витебску через Поречье; прямо, к Рудне и на юго-запад, к Орше через город Красный. По имевшимся сведениям, в Поречье находился лишь небольшой кавалерийский отряд французов, а сам Наполеон с гвардией находился в Витебске. Конница Мюрата расположилась за Рудней. Корпус маршала Даву медленно собирался при Орше. Рассеянные на большом пространстве, неприятельские войска были убеждены в длительном бездействии русских, и им бы потребовалось на соединение не менее трех суток.

Все благоприятствовало предпринимаемому наступлению. 26 июля под звон смоленских колоколов обе армии двинулись вперед. 1-я армия шла на Рудню двумя колоннами через селения Приказ-Выдра и Ковалевское, имея в авангарде казаков Платова. С левой стороны ее, недалеко от Днепра, проходила 2-я армия. В г. Красный для наблюдения за дорогой к Орше и обеспечения левого фланга русских войск Барклай приказал направить 27-ю пехотную дивизию генерал-майора Д. П. Неверовского, составленную в основном из новобранцев.

Воспрянула бодрость в сердцах начальников, невозможно было передать радость солдат. То было

первое наступательное движение русских войск в кампании.

На первом же переходе от Смоленска к Рудне, в селении Приказ-Выдра, военный министр, однако, заколебался. Не имея точных сведений о противнике, он страшился углубляться вперед и порешил сперва обратиться к Поречью, чтобы открыть силы французов. Багратиону было предложено перевести 2-ю армию на место 1-й — в Приказ-Выдру. Тот досадовал на потерю времени, тревожился за свой слабый левый фланг, который мог быть отрезан у Красного, но нехотя повиновался. На эти операции ушло два драгоценных дня.

Только храбрый атаман Платов, не получивший известий о передвижении 1-й армии на Пореченскую дорогу, продолжал двигаться к Рудне и 27 июля у села Молево Болото встретил два французских гусарских полка. Неожиданным ударом во фланг он обратил их к Рудне, где стоял генерал Себастьяни, вовсе не помышлявший о близости русских. Французы дрались упорно, подошли к самым орудиям донской батареи и ранили многих канониров пулями. Но Платов семью казачьими полками охватил неприятеля с трех сторон и гнал его две версты. Дальнейшее преследование дивизии Себастьяни атаман поручил подошедшему отряду Палена, который гнал французов еще восемь верст. «Неприятель пардона не просил, — докладывал Платов, — а Российские войска, быв разъярены, кололи и били его».

Барклай-де-Толли терялся в догадках, потеряв из виду Наполеона: то полагал, что он обходит Смоленск и тянется боковыми путями на Москву, то боялся, что он заслонил русским Петербург и думает дать туда направление всей армии. Войска бесплодно маневрировали четыре дня.

Убедившись в их медлительности, Наполеон решил обойти русских левым берегом Днепра, захва-

М. Б. Барклай-де-Толли

М. И. Платов

тить у них в тылу Смоленск и отрезать от Москвы. 31 июля неприятельские части двинулись к деревне Россасна, навели мосты и 2 августа переправились через Днепр, держа путь на Ляды — Красный — Смоленск. Впереди шел корпус Нея под прикрытием кавалерии Мюрата, а из-под Орши сюда же двинулись корпуса Жюно и Понятовского.

На пути 200-тысячной громады вражеской армии в Красном стоял только семитысячный отряд Неверовского при 12 орудиях. Ему-то и суждено было расстроить планы Наполеона.

Узнав о движении огромных неприятельских войск по левому берегу Днепра, Неверовский вывел свой отряд из Красного и занял позицию за оврагом, имея на своем левом фланге десять орудий, прикрытых харьковскими драгунами. Желая в случае отступления иметь за собой резерв и опору, он отправил назад, не доходя 12 верст до Смоленска, 50-й егерский полк с двумя конными орудиями и велел

ему занять там переправу за небольшой речкой.

Вскоре начали показываться многочисленные силы французов, которые шли на одной высоте столбовой дорогой и полями. Прискакали казаки, говоря: «Француз валом валит». Слова их не были преувеличением: шел Мюрат с 15-тысячной конницей и дивизией пехоты. Завидя Неверовского, он разделил конницу на несколько частей и двинул ее в обход с намерением охватить небольшой отряд с разных сторон как верную добычу.

Харьковские драгуны пошли в атаку, но были опрокинуты — батарея осталась без прикрытия. Неприятель захватил десять пушек; остальные ушли по Смоленской дороге. Итак, Неверовский с самого начала сражения остался без артиллерии и конницы. Французская пехота подходила, чтобы атаковать с фронта, конница неслась на фланги. Неверовский свернул батальоны в каре и сказал: «Ребята! Помните, чему вас учили, и никакая кавалерия не победит вас. Не торопитесь в пальбе! Стреляйте метко во фронт неприятеля! Третья шеренга, передавай ружья, не суетясь! И никто не смей начинать без моей команды!»

Неприятель, опрокинув драгун и казаков, изрубив половину артиллеристов и прикрытие их, мчался с двух сторон. Неподвижное, как будто окаменелое, каре стояло безмолвно и стройно. Раздалась команда: «Тревога!» Барабаны подхватили ее. Батальный прицельный огонь был страшен, и вмиг французские всадники и их лошади устлали землю. Один полковник с несколькими удальцами в вихре боя домчался до угла каре и пал на штыках. У русских ударили отбой пальбе. «Видите, ребята,— сказал Неверовский в восторге, — как легко пехоте, точно исполняющей свою обязанность, побеждать кавалерию? Благодарю вас и поздравляю!» Единодушное «Ура!» и «Рады стараться!» раздались ему в ответ.

Отбив нападение, Неверовский начал отступать. Неприятель удвоил кавалерийские атаки с тыла и флангов. Неверовский, идя в каре и заслоняясь деревьями, которыми была обсажена дорога, отбивался удачно. Мюрат предложил ему сдаться, но получил отказ. Неприятель находился так близко, что мог переговариваться с русскими солдатами и предлагал им положить оружие. Солдаты Полтавского полка закричали: «Умрем, а не сдадимся!» На пятой версте отступления был самый большой натиск, но деревья и рвы препятствовали французам врезаться в русские колонны.

Стойкость пехоты уничтожала пылкость нападения. Мюрат пришел в исступление. Он приказал коннице непрерывными волнами атаковать русских. 45 атак последовали одна за другой. Русские, без различия полков, смешались наконец в одну колонну и, тесно сплотясь, отступали, отстреливаясь и отражая атаки. Неверовский приближался уже к речке и был в версте от нее, когда открылся огонь из двух орудий, заблаговременно посланных им вперед с егерским полком. Мюрат вообразил, что русских ожидает сильное подкрепление, и приказал остановиться. Отряд благополучно переправился через речку, где держался до вечера. Дав передохнуть войскам, Неверовский отошел ночью до оврага, в шести верстах от Смоленска.

Канонада, гремевшая при нападении на Неверовского, слышна была на правом берегу Днепра, по которому 2-я армия тянулась не спеша по дороге через Надву на Рудню. Позади всех шел корпус Н. Н. Раевского, которому назначено было выступить из Смоленска вслед за гренадерской дивизией принца Мекленбургского. Гренадеры опоздали с походом на три часа, что принесло делу величайшую пользу. Если бы Раевский двинулся из Смоленска вовремя, то по дальности перехода мог возвратиться, когда

в городе были бы уже французы.

Вскоре, на марше, пришло повеление Раевскому от Багратиона идти через Смоленск к Красному, на помощь Неверовскому. Тот приказал командиру 26-й пехотной дивизии И. Ф. Паскевичу взять восемь батальонов, составить авангард корпуса и поспешить назад, а сам ночью продолжал обратное движение к Смоленску. Осмотрев местоположение города, Раевский расположился в трех верстах позади Паскевича и поджидал 27-ю дивизию, которая скоро пришла, покрытая славой.

Смоленск пылал.

Весь город, большею частью деревянный, даже окружавшие его старинные каменные башни, — всё было в огне. 150 французских орудий, не переставая, били по городу ядрами и кидали гранаты. Был прекраснейший летний вечер, без малейшего ветра. Огонь и дым, восходя столбом, расстилался под самыми облаками.

4 августа Раевский весь день удерживал город от яростных атак неприятеля, не позволив ему ни в чем одержать верх. Наполеон атаковал Смоленск тремя колоннами: одна шла прямо на Королевский бастион, другая в направлении кладбища, третья вдоль Днепра, на правый русский фланг. 70 орудий Раевского были уже в действии. Сам отважный генерал только что получил от Багратиона записку: «Друг мой! я нейду, а бегу; желал бы иметь крылья, чтобы скорее соединиться с тобой. Держись. Бог тебе помощник!» Раевский сражался с твердым намерением погибнуть на своем посту, но не отступить.

Неприятель под картечным огнем приблизился к рытвине, составлявшей ров Смоленской крепости. Паскевич только успел выстроить один из батальонов, лежавший в покрытом пути, как французы были уже на гласисе — пологой земляной насыпи перед наружным рвом. Орловский полк открыл ружейный

Н. Н. Раевский

П. П. Коновницын

огонь и удержал атакующих. Несколько раз бросались они на русскую пехоту, но каждый раз батальный огонь принуждал их вернуться в овраг. Уже тела вражеские покрыли гласис. Замечая, что атаки слабеют, Паскевич приказал Орловскому полку ударить в штыки, за ним последовали полки Ладожский и Нижегородский. Неприятель был опрокинут, выбит из рытвин и трупами своими устлал все пространство от гласиса до противной стороны оврага.

Русские бросились преследовать его, но Паскевич ударил отбой, воротил людей и снова построил батальоны. Получив подкрепление, неприятель опять подошел, остановился по ту сторону оврага, перестреливался, но не смел делать новых покушений...

Наконец, к исходу дня подошли кирасиры, а за ними гренадеры, которые не были введены Раевским в огонь, потому что французы ослабили натиск и поддерживали сражение стрелками и пушечной пальбой. Вслед за гренадерами стали появляться из-

дали прочие дивизии Багратиона и 1-й армии, и вечером все сосредоточились на высотах правого берега Днепра. Сражение начало утихать, и неприятель отошел в свой лагерь.

Приехали оба главнокомандующих. Все чувствовали важность успеха. Поздравления Раевскому, Неверовскому, Паскевичу сыпались отовсюду. Князь Багратион благодарил их от глубины души, взволнованный геройским подвигом.

Во весь вечер 4 августа и в ночь на 5-е подходили французы к Смоленску. Поутру на левом крыле, у Днепра, расположился Ней, правее его, на дорогах Красненской и Мстиславской, — Даву, подле него Понятовский с польским корпусом, а на оконечности правого крыла примыкали к Днепру кавалерийские корпуса Мюрата. 5 августа с раннего утра французы стояли в ружье. Наполеон, заметив приближение русских армий, заключил об их намерении принять у Смоленска сражение — цель его желаний. С восходом солнца он уже был на поле, нетерпеливо ожидая, скоро ли растворятся городские ворота и выступят из них войска.

Удостоверясь в сосредоточении всех неприятельских сил под Смоленском, Барклай-де-Толли решился с Багратионом на следующее: 2-й армии отступить на Московскую дорогу; для прикрытия этого движения 1-й армии занять корпусом Дохтурова Смоленск, а прочим войскам разместиться подле города, на правом берегу Днепра.

Дмитрий Сергеевич Дохтуров только что оправился от болезни и чувствовал еще большую слабость. Военный министр послал спросить его, в силах ли он действовать при обороне Смоленска. Дохтуров отвечал: «Лучше умереть в поле, нежели на кровати!»

В полночь его VI корпус сменил Раевского в Смоленске. Чтобы усилить оборону, назначили диви-

зии Неверовского и Коновницына и бригаду 12-й дивизии Колюбакина. В восемь пополуночи 5 августа послышались первые ружейные выстрелы; к десяти часам на всем протяжении передовых цепей открылся огонь. К полудню предместья Смоленска остались за русскими: атаки на них были отбиты. К двум пополудни неприятель отошел назад на пушечный выстрел, и огонь прекратился вовсе.

Наполеон все еще ожидал, что русские вот-вот выйдут из города и примут сражение. Надежда его скоро разрушилась донесением, привезенным с правого фланга, где заметили движение русских, отступающих по Московской дороге. То была 2-я армия. Марш ее не смог укрыться от неприятеля, потому что дорога, по которой следовал Багратион, несколько верст шла вдоль днепровского берега. Наполеон, желая лично удостовериться в столь важном известии, поскакал на правое крыло, к Шеин-острову. Здесь он своими глазами убедился в движении армии Багратиона, и первою его мыслью было отрезать эти войска от находившихся в Смоленске. Посланы были тотчас разъезды для отыскания бродов. Несколько французов, въехавших в Днепр, утопили лошадей. Тогда по неимению бродов Наполеон вознамерился овладеть Смоленском и повелел начать общую атаку.

В четыре пополудни одновременно двинулись на город французские колонны. Ней шел на Красненское предместье, Даву — на Мстиславское и Малаховские ворота, Понятовский атаковал предместье Раченку и поставил батареи, направленные против днепровского моста. Два часа держался Дохтуров в предместьях, но наконец принужден был войти в город и расставил пехоту по стенам, а артиллерию по бастионам. Только небольшое число стрелков оставалось вне стен. Наполеон атаковал город с разных сторон, однако смоленская крепость остава-

лась непреодолимой преградой для неприятеля.

Недаром в старину называли смоленские стены дорогим ожерельем России! Благодаря им урон у русских был незначителен в сравнении с ужасными потерями французов. Пыль и дым потемняли воздух; шум и треск заглушали барабаны и слова команды. Главный натиск был обращен на Малаховские ворота, защищаемые Коновницыным, возле которого находился Дохтуров. Лишь немногие из тех, кто окружал генералов, остались невредимы. Огонь был так жесток, что пришлось четырежды заменять стоявшие у ворот орудия — лошади и прислуга в самое короткое время были перебиты. Коновницына ранило пулей в руку, но он не оставил сражения и даже не позволил сделать себе перевязку.

Барклай-де-Толли начинал беспокоиться о судьбе защиты, видя с высот правого берега ожесточение неприятеля и получая от Дохтурова донесение о беспрестанном усилении нападений. Ермолов сообщил о необходимости помочь левому крылу, на которое французы усилили натиск. Тогда Барклай приказал Евгению Виртембергскому с 4-й пехотной дивизией идти на подкрепление сражающимся. Егеря подоспели в самую опасную минуту, когда войска, бывшие вне города, возвращались. Дохтуров велел Виртембергскому сделать вылазку и прогнать неприятеля, засевшего в ближайших к стене домах. Расчистив с трудом проход в Малаховских воротах, егеря бросились вперед и открыли батальный огонь, заставивший французов отступить.

Видя бесплодность атак, Наполеон велел идти напролом. Перед колоннами вывезли батареи. Крепость и толщина стен, воздвигнутых Годуновым, противостояли чугуну, но тучи ядер и гранат свистели и лопались одни за другими. В единый хаос смешались гром, треск, пламя, дым, стон, крики. К шести пополудни французы овладели всеми предместьями го-

рода. Русская пехота, расположившаяся на стенах, непрерывно стреляла — стены были как бы в огненной полосе.

На правом берегу Днепра толпы несчастных смолян, рассыпавшихся по полю без крова, приюта, среди наступающей ночи, в ужасе глядели, как догорает их город, как обращаются в прах их жилища и гибнет достояние. Весь гребень высоты был покрыт генералами и офицерами, лица которых, обращенные к Смоленску, страшно были освещены пожаром. Никто не мог отвести глаз от огромного костра церквей и домов. Блеск ослепительного пожара проникал даже сквозь закрытые веки. Крики детей, рыдания женщин надрывали душу. Все это вызвало новые чувства у воинов, которые ранее сражались вне пределов Отечества.

«Не видел я прежде опустошения земли собственной, не видел пылающих городов Родины моей, — записал начальник главного штаба 1-й армии генерал Ермолов. — Первый раз в жизни коснулся ушей моих стон соотчичей! Первый раз раскрылись глаза на ужас бедственного положения их! Великодушие всегда почитал я даром божества. Но теперь едва ли я ему дал бы место прежде отмщения!..»

Барклай-де-Толли знал, что сдачей Смоленска окончательно уронит в глазах царя свою репутацию главнокомандующего и даст многочисленной враждебной партии право добиваться его отставки. Но не видел иного выхода, кроме спасительного отвода войск далее на восток.

По войскам молниеносно пробежало известие о назначении нового главнокомандующего — Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова.

Минута радости была неизъяснима. Имя этого славного полководца, сподвижника Суворова и победителя турок в 1811 г., произвело всеобщее воскресение духа в армии, от солдата до генерала. Им-

М. И. Кутузов

ператор Александр I согласился на это назначение, уступая единодушному желанию русской общественности. Сам он не любил проницательного и независимого полководца и написал сестре Екатерине Павловне, что, сделав Кутузова главнокомандующим, он, Александр, «пожертвовал собственными убеждениями».

Зато народ ликовал, видя в Кутузове символ избавления от смертельной опасности, нависшей над Россией. Недаром даже французский генерал Сегюр сказал в своих мемуарах: «В нем было что-то чисто национальное, делавшее его столь дорогим для русских. В Москве радость по случаю его назначения была всеобщей: посреди улиц бросались друг другу в объятия, считая себя спасенными».

11 августа Кутузов покинул Петербург и выехал в действующую армию. Главнокомандующего провожали толпы народа, кричавшие ему вслед: «Спаси нас!» На всем пути жители городов и сел выхо-

дили на дорогу и приветствовали его, стоя на коленях. Офицеры весело поздравляли друг друга. Старые солдаты припоминали походы с ним еще при Екатерине, его подвиги в прошедших кампаниях. Говорили, что сам Наполеон назвал его старой лисицей, а Суворов шутил, что и хитрый адмирал де Рибас Кутузова не обманет. 15 августа Кутузов прибыл в Вышний Волочек, где ему сообщили, что невдалеке от Вязьмы показались неприятельские разъезды. Тогда он повернул на Гжатск и 17 августа застал у Царева-Займища всю русскую армию. С того же дня он уже распоряжался так, словно руководил войсками с начала кампании. Ничто для Кутузова не было ново, он все предугадывал и был главнокомандующим в полном смысле слова.

Перед Кутузовым стояла исключительно трудная задача. Он принял армию в состоянии отступления. К сердцу России — Москве приближался грозный и коварный неприятель. Дело шло о жизни и смерти государства, о его самостоятельном существовании. Но великий полководец был спокоен и ничем не выдавал бури мыслей, волновавших его.

Когда войска встречали любимого полководца в Царевом-Займище, жители селения выпрягли лошадей и потащили на себе походный экипаж Кутузова. И вот он, военачальник, в руках которого судьба России: белая фуражка, пухлое лицо с орлиным носом, расстегнутый на животе сюртук. При виде Кутузова могучее, троекратное «Ура!» прокатилось по рядам егерей, гвардейцев, мушкетеров. Это восклицание повторил весь расположенный невдалеке военный лагерь. Даже солдаты, шедшие к реке за водой, узнав о прибытии Кутузова, побежали к реке с криком «Ура!», воображая, что уже гонят неприятеля. Тотчас явилась поговорка: «Приехал Кутузов бить французов». Солдаты видели в нем не вновь прибывшего командира, а полного распоряди-

теля, давнего начальника их; почти не было полка и генерала, который не служил бы под его командой.

Оглядывая здоровым глазом усатые, курносые, загорелые лица под киверами, Кутузов повернулся к генералам, почтительно следовавшим за ним, и в наступившей тишине проговорил:

— Ну, как можно отступать с такими молодцами!..

День Бородина

Все, без исключения, в русской армии ожидали от Кутузова немедленного повеления о решающем сражении с Наполеоном. Ждал этого и Барклай-де-Толли, загодя занявшийся поисками позиции для боя. Князь Михаил Илларионович осмотрел ее, нашел выгодной и даже приказал ускорить работы. Каково же было удивление военного министра, когда вскоре за этим Кутузов отдал повеление обеим армиям идти дальше на восток, в Гжатск! Барклай с внутренним одобрением решил тогда, что новый начальник будет продолжать его отступательную политику, завлекая неприятеля как можно далее в глубь России. Но кто может проникнуть в мысли гения!

Кутузов один видел то, чего не видели остальные, однако лишь по отдельным фразам, вырывавшимся в редкие минуты откровенности, можно постигнуть, к каким испытаниям готовил он себя, армию и Россию. Уезжая из Петербурга, он заверил Александра I, что Москва не будет сдана; позже, в письме московскому губернатору Ростопчину, утверждал: «По моему мнению, с потерею Москвы соединена потеря России». Но каково было его истинное мнение о положении дел? Когда на первой же станции от Петербурга, в Ижоре, Кутузов встретил курьера с известием о падении Смоленска, то сказал то, что

думал: «Ключ к Москве взят».

И все же он прекрасно отдавал себе отчет в том, что отечество ждет решительных действий и генеральное сражение скоро наступит.

Новый период войны начался единоначалием: главнокомандующие отдельными армиями подчинялись теперь одному лицу и заняли места второстепенные; все распоряжения отныне происходили единственно от 67-летнего полководца. Он не требовал мнений посторонних и был развязан в своих действиях: при отправлении из Петербурга Кутузову не было дано письменного операционного плана и Александр силою крайних обстоятельств понужден был разрешить ему вести войну по собственному усмотрению. На пути в армию, в Торжке, Кутузов встретил генерала Беннигсена, который, поссорившись с Барклаем-де-Толли, возвращался из главной квартиры в Петербург, и объявил ему свое повеление ехать обратно в армию, с занятием должности начальника главного штаба. Он встретил также Фуля, но не пригласил его с собою.

Приближалась пора решающей схватки с Наполеоном. Позади Кутузова, до Москвы, не было более регулярных войск. Хотя формирование земской силы Тульской, Калужской, Рязанской, Владимирской и Тверской губерний подходило к концу, ополчения еще не выступили из своих губерний. Как и у ополчений Смоленского и Московского, полки которых все еще не присоединились к армии, у них почти не было огнестрельного оружия. За месяц до того взятые от сохи, обутые в лапти, с кольями вместо пик, они горели усердием сразиться, но еще нельзя было вести их в бой с опытными, закаленными в битвах полками Наполеона. На скорое содействие отдельных армий также нельзя было полагаться по причине их отдаленности: Тормасов стоял за рекой Стырь, Витгенштейн нахо-

дился у Полоцка, Чичагов переправлялся через Днестр.

Трудности усугублялись местоположением отступавших войск. От Гжатска до Москвы не имелось ни крепости, ни укрепленного лагеря, где было бы удобно хоть на короткое время удерживать превосходящего силой неприятеля или, пользуясь ими, маневрировать. Кутузов продолжал отступать по Новой Смоленской дороге. 19 августа армия выступила из Царева-Займища и прошла через Гжатск; 20 — продолжала отходить к Дурыкину; 21 — к Колоцкому монастырю; 22 — потянулась к Можайску. Во время этих маршей Кутузов усилил войска резервами в 15 тыс., приведенными Милорадовичем. Между тем посланные в тыл офицеры донесли, что, не доходя одиннадцати верст до Можайска, отыскано крепкое место при селе Бородино (имении отца Дениса Давыдова).

Рано поутру 22 августа, опередив армию, Кутузов прибыл в Бородино, объехал окрестности и нашел их соответствующими своим намерениям.

Бородинская позиция пересекается надвое большой Смоленской дорогой. Правое крыло примыкает к роще, между Москвой-рекой и впадающей в нее речкой Колочею; левый фланг оканчивается в кустах у деревни Утицы, на Старой Смоленской дороге, ведущей из Гжатска через Ельню в Можайск. Фронт позиции, занимая протяжением около семи верст, до Бородина прикрыт Колочею, извивающейся по глубокому оврагу, далее ручьем Семеновским и кустами, между Утицей и Семеновским, и составляет выдавшийся при Бородине тупой угол. Местоположение, образуя общую покатость, понижающуюся с левого крыла на правый, к Москве-реке и устью Колочи, представляет несколько возвышенных холмов у деревни Шевардино, в тысяче сажен впереди левого фланга.

Желая не дать неприятелю возможности овладеть этим пунктом, обозреть все расположение российских войск и вместе с тем, чтобы действовать во фланг наступающим по большой дороге к Бородину колоннам, Кутузов повелел на кургане у Шевардина построить пятиугольный редут на двенадцать батарейных орудий, который, однако, не успели закончить. Для обеспечения правого крыла он приказал учредить перед лесом, близ Москвы-реки, три отдельных укрепления да еще насыпать укрепление для обороны переправы через Колочу, на Новой Смоленской дороге. В центре, на кургане между Бородиным и Семеновским, начали возводить большой люнет на восемнадцать орудий, вошедший в историю как Курганная высота или батарея Раевского. Целью ее было обстреливать весь скат к ручью Семеновскому и кусты по левому берегу, довершая тем самым фланговую оборону Бородина. Левее Семеновского Кутузов приказал устроить три флеши для прикрытия слабейшего пункта позиции и поддержания стрелков, которые должны были занять овраг перед фронтом и кусты по направлению к Утице. Главная квартира расположилась в селе Татаринове, позади центра русских позиций.

Как отмечается в советской исторической науке, «бородинская позиция резко ограничивала возможности Наполеона в выборе маневра. Наиболее уязвимая часть боевого порядка — фланги — была в результате искусного использования Кутузовым местности надежно прикрыта. Охват флангов затруднялся. Можно было произвести лишь глубокий обход, но это привело бы к чрезмерной растяжке войск и ослаблению сил. Наполеон был вынужден, таким образом, принять сражение на невыгодной для себя местности и применить фронтальный удар на узком участке фронта. Совершенно очевидно, что не На-

БОРОДИНСКОЕ СРАЖЕНИЕ
(26. VIII. 1812 г.)

24 VIII — Бой за Шевардинский редут

Положение войск перед сражением

русских

- пехота
- кавалерия
- артиллерия

французских

- пехота
- кавалерия
- артиллерия

Ставка Кутузова

Ставка Наполеона

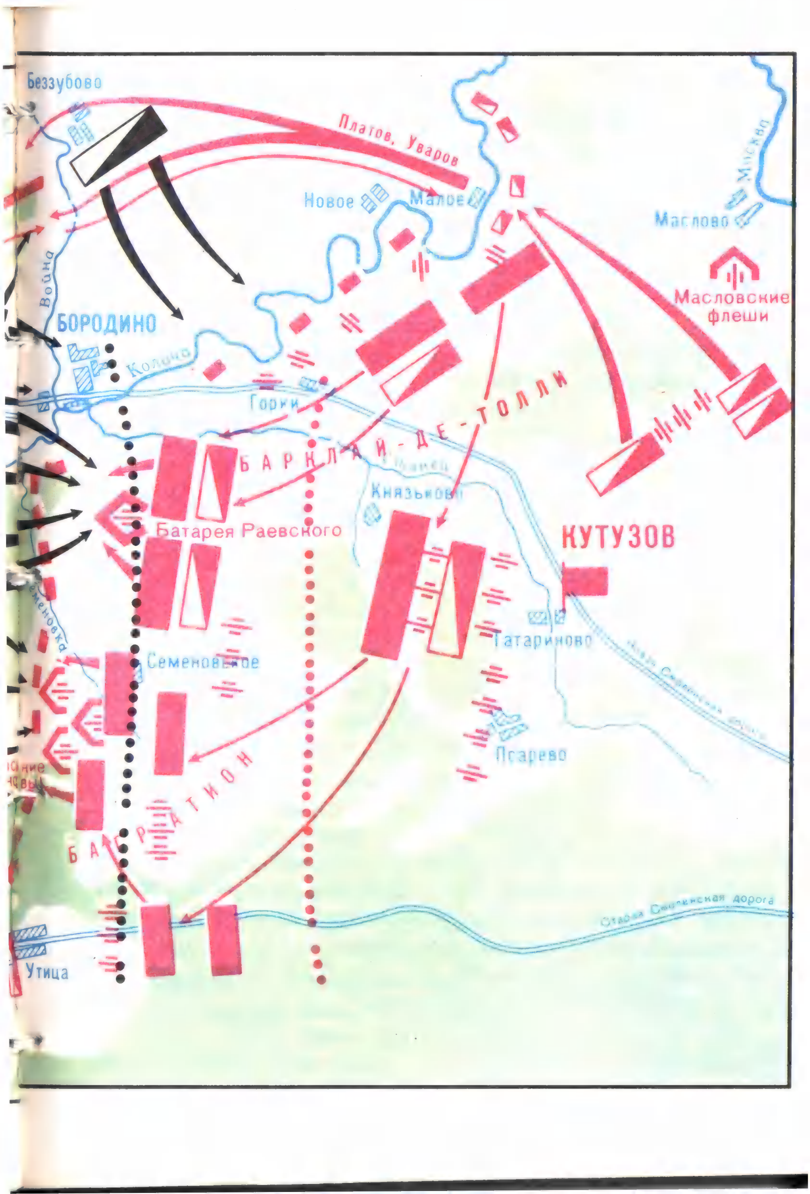
Действия войск

русских — французских

Положение войск к концу сражения

- русских
- французских

Беззубово
Платов, Уваров
Новое
Малое
Москва
Маслово
Масловские
флеши
Война
БОРОДИНО
Колоча
Горки
БАРКЛАЙ-ДЕ-ТОЛЛИ
Князьково
Батарея Раевского
КУТУЗОВ
Татариново
Семеновское
Семеновка
Псарево
БАГРАТИОН
Старая Смоленская дорога
Утица

полеон, а Кутузов диктовал условия предстоящего сражения»[1].

На плодоносных полях Бородина закипели инженерные работы; ряды штыков засверкали среди жатвы; конница, пехота и артиллерия занимали свои места. «Здесь наконец остановимся!» — думал каждый воин.

К решительному бою готовились и французы. Однако ими двигало не чувство любви к Отечеству, а жадность к добыче и славе завоевания.

В Гжатске Наполеон узнал о прибытии в русскую армию Кутузова. Уверенный, что пробил час решающей битвы, он остановился на два дня для подготовки к ней. 22 августа Наполеон выступил из сожженного солдатами Гжатска, имея на левом крыле корпус Евгения Богарне и корпус Понятовского на правом; остальные войска следовали столбовой дорогой за авангардом, состоявшим под начальством Мюрата. 23 числа Мюрат атаковал у села Гриднево, в пятнадцати верстах от Бородина, русский арьергард, которым командовал Коновницын.

Русские долго не уступали ни шага, пока под вечер корпус Богарне не начал обходить их справа. Тогда, пользуясь темнотой, Коновницын отошел к Колоцкому монастырю. На следующее утро французы продолжили наступление, и Кутузов послал на помощь Коновницыну кавалерийский корпус генерал-лейтенанта Уварова. Сначала русские оборонялись успешно: Изюмский гусарский полк вместе с казаками опрокинул три вражеских эскадрона и изрубил их. Однако при появлении корпуса Богарне, который, как и накануне, начал обходить правый фланг русских, Коновницын вынужден был отступить и приблизиться к Бородину.

---

[1] Жилин П. А. Кутузов. М., 1978, с. 174.

Полки арьергарда потянулись в состав корпусов, к которым принадлежали, и, вступая на позиции, открывали неприятельским взглядам русскую армию, построенную в боевой порядок. Доступ к ней преграждался редутом при Шевардине. Защита выдвинутого вперед укрепления не имела бы смысла, если бы Кутузов не нуждался в том, чтобы выиграть время для завершения инженерных работ, которые велись на позиции.

Неприятель шел Новой Смоленской дорогой и полями в трех колоннах. Часа в два пополудни французы начали переходить речку Колочу у Фомкина и Валуева и наступать на редут. Корпус Понятовского следовал от Ельни.

Шевардинский редут оборонялся войсками 2-й армии под начальством племянника Суворова — генерал-лейтенанта А. И. Горчакова. Надо было защищать большой курган, где расположилась 12-пушечная батарея, справа — деревню Шевардино и слева — лес на Старой Смоленской дороге. Против славной 27-й дивизии Неверовского, пяти гренадерских и двух драгунских полков Наполеон бросил весь корпус Понятовского, всю кавалерию Мюрата и три дивизии корпуса Даву.

Бой начался с сильнейшей яростью. Редут и стоявшие для его обороны войска были засыпаны ядрами, гранатами, картечью, пулями. Неприятель ломил отчаянно, гул пушек был неразрывен, дым их мешался с дымом пожаров, и вся окрестность как бы заволакивалась туманом. Всего на редут двинулось около 30 тыс. пехоты, 10 тыс. конницы и обрушился огонь 186 орудий. Французские колонны ворвались в укрепление, но торжество их было непродолжительным. Гренадерские полки встретили неприятеля. Затрещали кости, завязался жестокий рукопашный бой. То русские опрокидывали французов, то французы теснили русских. К вече-

ру редут перешел в руки неприятеля. Тогда Багратион сам повел две гренадерские дивизии в атаку и выбил французов. Редут, село Шевардино и лес на левом фланге остались за русскими.

С наступлением мрака пальба с вражеской стороны затихла. Но когда совсем стемнело, Горчаков услышал между курганом и деревней сильный топот. Загоревшиеся в расположении французов стога сена озарили внезапным светом густую колонну, направлявшуюся к правому флангу русской позиции. Горчаков послал за 2-й кирасирской дивизией, а генерал-майору Неверовскому велел остановить противника, который в темноте не мог видеть числа русских.

В резерве у Неверовского имелся лишь один батальон Одесского пехотного полка и довольно слабый. Неверовский отдал команду ссыпать порох с полок и, подойдя к неприятелю, молча ударить в штыки. Приказание было исполнено в мертвой тишине. Взятые внезапно во фланг, французы оробели, остановились и побежали. Русские смешались с врагами, кололи и гнали их. Подоспевшие кирасиры довершили поражение французов, принужденных в бегстве своем бросить пять орудий.

Сражение прекратилось. Долее удерживать редут стало бесполезным из-за отдаленности от позиций. Главнокомандующий велел Горчакову отступить.

Все это время Кутузов со штабом находился на поле сражения. Он сидел на складном стуле, который всегда за ним возили, часто посылая гонцов Багратиону, не выходившему из огня, внимательно обозревал местоположение и оставался там, покуда не утихла пальба. Новые пожары осветили ночь. Главнокомандующий делал последние распоряжения к битве.

Как показал затем ход событий, Кутузов разга-

дал стратегический замысел Наполеона, намеревавшегося великим числом войск, обращенных на полутораверстное пространство между Бородиным и лесом, прорвать центр русских и отбросить их от Новой Смоленской дороги, которая была основным стратегическим направлением на Москву. Поэтому почти три четверти всех сил князь Михаил Илларионович сосредоточил в центре и на правом крыле своих позиций. Он стремился прочно прикрыть Новую Смоленскую дорогу — путь к Москве и одновременно создать угрозу флангу и тылу противника. Кроме того, эта главная группировка выполняла роль основного резерва, способного не допустить обход врагом русской армии с правого фланга и могущего поддержать более слабое левое крыло.

Боевое устроение русских войск, от Москвы-реки и до леса около деревни Утицы, походило на натянутый лук перед спуском тетивы. На оконечности правого крыла, в лесу, засели три егерских полка. От них по направлению к центру располагались пехотные корпуса 1-й армии: II — генерал-лейтенанта Багговута, IV — генерал-лейтенанта Остермана-Толстого, VI — генерала от инфантерии Дохтурова. Далее, по отклоненной назад линии, занимала позиции 2-я армия: VII корпус генерал-лейтенанта Раевского, VIII — генерал-лейтенанта Бороздина и на окончании левого крыла — две дивизии под начальством Горчакова: сводная гренадерская генерал-майора Воронцова и 27-я Неверовского.

В состав общего резерва была назначена вся кавалерия, за исключением небольшого числа, приданного пехотным корпусам, и гвардейская конница, а также III пехотный корпус генерал-лейтенанта Тучкова, 2-я гренадерская дивизия Карла Мекленбургского, пехота гвардейского корпуса под командой генерал-лейтенанта Лаврова, гвардейский резервный кавалерийский корпус генерал-адъю-

танта Уварова и атаман Платов с полками войска Донского на правом крыле 1-й армии. Московское ополчение — 25 тыс. человек, вооруженных пиками, прибывшее за два дня, было разделено по корпусам для принятия раненых, чтобы не отвлекать для того людей от фронта.

В русской армии под ружьем находилось 120 тыс. человек при 640 орудиях против 130—135 тыс. солдат и 587 орудий у французов.

Не впервые встречался Кутузов с Наполеоном на поле брани. И всякий раз своей стратегией прославленный русский полководец расстраивал планы Наполеона. Так было в 1805 г., когда после капитуляции австрийской армии Мака отходным маршем-маневром он вывел русские войска из окружения. Так было и 5 ноября того же года под Амштеттеном, и 11 ноября, когда был разбит маршал Мортье, который должен был отрезать русских от Дуная, и 12 ноября, когда у Шенграбена Багратион задержал Мюрата и Кутузов успел увести армию на соединение с союзниками.

Теперь, расположив свои главные силы у Новой Смоленской дороги и за центром, Кутузов получал возможность перейти в нужную минуту в контратаку с крупными силами. В случае же неудачи он мог стать позади Можайска и все же закрыть неприятелю путь на Москву.

Диспозиция, разработанная лично Кутузовым и подписанная им 24 августа, заканчивалась словами:

«В сем боевом порядке намерен я привлечь на себя силы неприятельские и действовать сообразно его движениям. Не в состоянии будучи находиться во время сражения на всех пунктах, полагаюсь на известную опытность г. г. Главнокомандующих и потому предоставляю им делать соображения действий на поражение неприятеля. Возлагая все упование на помощь Всесильного и на храбрость и неустрашимость Российских воинов, при счастливом отпоре неприятельских сил, дам собственные повеления на преследование его, для чего и ожидать буду беспрестанных ра-

портов о действиях, находясь за VI корпусом. При сем случае неизлишним почитаю представить г. г. Главнокомандующим, что резервы должны быть сберегаемы сколь можно долее, ибо тот генерал, который сохранит еще резерв, не побежден. На случай наступательного движения, оное производить в сомкнутых колоннах к атаке, стрельбою отнюдь не заниматься, но действовать быстро холодным оружием. В интервалах между пехотными колоннами иметь некоторую часть кавалерии, также в колоннах, которые бы подкрепляли пехоту. На случай неудачного дела, Генералом Вистицким открыты несколько дорог, которые он г. г. Главнокомандующим укажет и по коим армии должны будут отступать. Сей последний пункт единственно для сведения г. г. Главнокомандующих».

Рано утром 25 августа Кутузов осматривал армию. Он объезжал войска, надев против обыкновения полную парадную форму, в больших дрожках в сопровождении Беннигсена, немногих генералов и малой свиты. Погода была пасмурная, изредка шел маленький дождь.

Тревожная тишина царила на другом, низком и болотистом берегу извилистой речки Колочи; обманчиво пустынными казались леса за Бородиным и Дорониным. Лишь изредка на открытое место выскакивал всадник, направлявшийся для обозрения в сторону русских позиций, и тогда в него посылался одиночный картечный или ружейный выстрел.

Совсем иная картина открывалась, однако, с высокой колокольни Бородина. Квартирмейстер главного штаба, восемнадцатилетний прапорщик Николай Муравьев, побывавший на колокольне, возбужденно рассказывал: «Французы все более подаются влево... Леса наполнились их стрелками... Артиллерия, пробираясь скрытными тропками, выезжает на холмы и пригорки...»

У Курганной высоты, составляющей оконечность правого крыла 2-й армии, дрожки Кутузова застряли и не могли продвинуться далее по всхолмленной местности. Главнокомандующий вышел и в сопро-

вождении спешившихся генералов направился к редуту, где кипела работа. С трех сторон кургана солдаты копали канавы для двенадцати батарейных и шести легких орудий, насыпали валы, подтаскивали пушки и зарядные ящики. Это были артиллеристы и пехотинцы из корпуса Раевского, именем которого назвали потом и саму батарею.

Бросив шанцевать, солдаты с криком «Ура!» окружили любимого главнокомандующего. Кутузов, переждав возгласы восторженного одобрения, обратился к ним:

— Братцы! Вам придется защищать землю родную, послужить верой и правдой до последней капли крови. Надеюсь на вас. Бог вам поможет. Отслужите молебен.

Кутузов говорил просто, его слова трогали до глубины души. Единодушное «Ура!» вновь загремело, провожая светлейшего к дрожкам. Главнокомандующий подозвал к себе начальника главного штаба 1-й армии Ермолова и повелел, не изменяя положения войск, отклонить левое крыло этой армии, в самом месте ее соприкосновения со 2-й, довольно далеко назад. Этим устранялась внезапность атак во фланг 1-й армии скрывающегося в лесу неприятеля и возможность быть им обойденной.

Шевардинский бой убедил Кутузова, что общий левый фланг войск слабо укреплен, и он выдвинул к Утице III пехотный корпус Тучкова. На главные позиции от Шевардина отошла 27-я дивизия Неверовского. Свою квартиру Кутузов перенес из Татаринова в селение Горки, на Новой Смоленской дороге, между VI и IV корпусами.

Возвращаясь в ставку, Кутузов сказал своим штабным: «Французы переломают над нами свои зубы... Но жаль, что, разбивши их, нам нечем будет доколачивать... Жаль...»

А. И. Горчаков

К. Ф. Багговут

Перед вечером Кутузов приказал конно-артиллерийской роте пехотной гвардейской дивизии, у которой хранилась икона Смоленской Божьей Матери, понести ее по лагерю. В день преставления преподобного Сергия Радонежского, чудотворца, благословившего князя Московского Дмитрия на битву с ордами Мамая, начальники и солдаты укрепились молитвой, готовясь противостоять полчищам, жаждавшим разгромить Россию.

Наступавшее сражение не могло походить на обыкновенную битву. С одной стороны, войска чуть ли не всей Европы, различные обычаями, нравами, языком, стремились сломить последнее препятствие для завоевателя и, может быть, для водружения его знамен за Уралом. С другой стороны стояли русские, родные по чувству и крови, а за ними были их дома и семьи, могилы предков, Москва и вера отцов.

Солдаты точили штыки и отпускали сабли; ар-

тиллеристы передвигали орудия, избирая для них выгоднейшие места; генералы и полковые начальники говорили солдатам о великом значении наступавшего дня. Один из них сказал: «Ведь придется же умирать под Москвою: так не лучше ли лечь здесь?» Наступил вечер. Поднялся ветер и с воем гудел по бивуакам. Сторожевые цепи протяжно перекликались. На облачном небе изредка искрились звезды. Мало кто спал обычным сном в эту ночь. Все было спокойно на позиции русских. Но ярче обычного блистали неприятельские огни, и в стане французов раздавались приветствия Наполеону, разъезжавшему по корпусам.

Разноплеменная армия, завлеченная в дальние страны, имела нужду в возбуждении: надо было льстить и потакать страстям. Наполеон не щадил ни вина, ни громких слов, ни улещений. Его озабочивала только мысль, не отступит ли Кутузов без сражения. Окончив обозрение русских позиций, он расположился в своей палатке, влево от столбовой дороги, между Бородиным и Валуевым.

Мучительное беспокойство прерывало сон Наполеона. Он беспрестанно подзывал своих приближенных, спрашивал, который час, не слышно ли какого шума, и посылал осведомиться, на месте ли неприятель.

С заблестевшей зарей Наполеон был уже на ногах. Он указал на нее адъютантам и воскликнул: «Вот оно, солнце Аустерлица!»

Но солнце теперь было против французов. Оно всходило со стороны русских, открывало армию Наполеона их выстрелам и ослепляло незваных пришельцев.

Было темно, когда Кутузова разбудил выстрел, пущенный из русского тяжелого орудия. На батарее, впереди Семеновского, солдатам во мраке показалось, что приближается неприятель. Но враги еще

не двигались, и после первого выстрела все смолкло.

Кутузов поднялся и направился на батарею за деревней Горками. Один, не предупредив своей свиты и главной квартиры, он обозревал при свете догоравших бивуаков бранное поле и армию, ставшую в ружье.

Вскоре прибыли Барклай-де-Толли, Беннигсен, Ермолов, начальник правого фланга Милорадович и командующий центром Дохтуров, ближние корпусные командиры со своими штабами.

Солнце поднималось, исчезали длинные тени, светлая роса блистала на лугах и полях. Погода была прекраснейшая. Давно уже пробили зо́рю, и войска в тишине ожидали начала жестокого побоища, которое унесло более ста тысяч жизней. Каждый в стане русских горел нетерпением сразиться и с ненавистью глядел в сторону неприятеля, не помышляя о смертельной опасности.

Впереди главных позиций, за речкой Колочей, в Бородине стоял гвардейский егерский полк, с 24 августа охранявший переправу через речку.

Внезапно из лесу на поле перед Бородиным высыпал эскадрон неприятельских конных егерей. За ними медленно выдвигались колонны пехоты. В то время как командир IV корпуса Остерман-Толстой отдавал приказание батарейцам пустить несколько ядер во вражеских коноводов, Барклай-де-Толли после короткого совещания с главнокомандующим послал своего адъютанта в Бородино с повелением — егерям отступить.

Лишь только адъютант проскакал небольшое пространство между Горками и Бородиным, как град пуль посыпался на егерей. На глазах Кутузова и его генералов полк очистил Бородино. Он отошел за мост, и егеря начали ломать его, но, теснимые целой дивизией, не успели уничтожить вовсе. Огромные синие колонны французов спуска-

лись к Колоче со стороны Бородина, и из леса выезжала, строилась и начинала обстрел многочисленная артиллерия. Солнце ярко освещало вражеских пехотинцев, и блеск от ружейных стволов слепил глаза наблюдавшим за ходом боя генералам.

Русские батареи обрушили на наступающих всю силу своего огня. Стреляли двенадцать пушек, расположенных неподалеку от Кутузова, стреляли многочисленные батареи левее и правее Горок. Перекатов ружейного огня не было уже слышно — их заглушила канонада. Французские колонны шли без выстрела, сохраняя свою стройность. Зато сколько наполеоновских солдат легло на этом пути! По мере приближения к речке в колоннах начало темнеть, потом все скрылось в пороховом дыму и пыли. Постреляв еще по колоннам почти наугад, русские батареи поворотили свои орудия против неприятельских.

Между тем французские стрелки появились уже на правом берегу Колочи и начали атаковать батарею, близ которой находилась главная ставка. Удержать противника велено было двум егерским полкам — Карпенкова и Вуича.

Карпенков построил батальоны за бугром, скрытно, на пистолетный выстрел от неприятеля, и, когда гвардейские егеря отходили назад, быстро выдвинул полк на гребень бугра и дал меткий залп. Дым выстрелов клубился еще перед лицом ошеломленного врага, когда русские ударили в штыки. Французы бросились назад, к мосту, но не могли перейти через него всей колонной: гвардейские егеря при отступлении успели снять более десятка мостовин. Оставшихся на правом берегу вражеских пехотинцев приперли к реке и перекололи до последнего. Карпенков послал стрелков даже за Колочу, но получил приказание Кутузова воротить их и сжечь мост дотла. Он исполнил повеление под сильнейшим огнем.

В шесть пополуночи раздались громы с левого крыла русских войск, в главную ставку понеслись гонцы от Багратиона. Огромные массы войск Наполеон двинул против слабейшего фланга, чтобы опрокинуть его или запереть в колено, образуемое Колочею и Москвой-рекой. Становилось ясно, что нападение на деревню Бородино представляло собой всего лишь отвлекающий маневр.

Атака на Семеновские флеши, на южной оконечности русских позиций, была поручена лучшим маршалам Наполеона — Даву, Нею и Жюно, подкрепленным тремя кавалерийскими корпусами под начальством Мюрата.

Впереди шли три дивизии Даву: дивизия Компана следовала по опушке леса, другая — Дезе — проходила через самый лес и кустарники, третья — Фриана — была в резерве. Местоположение препятствовало быстрому наступлению. Неприятелю надлежало пробираться через лес, где совсем не было дорог.

Миновав лес, французы начали строиться в колонны к атаке под картечным огнем русских. Однако лишь только головы колонн показывались перед Семеновскими флешами, как выстрелы артиллерии и егерей, рассыпанных в кустарнике, отгоняли французов назад. Русский огонь был губителен. В самом начале дивизионного генерала Компана ударило осколком гранаты. Он сдал команду другому генералу — Дезе, но и тот вскоре был опасно ранен. Его место занял присланный от Наполеона генерал-адьютант Рапп, однако и его не пощадил русский свинец. Сам корпусный командир маршал Даву упал с лошади, пробитой ядром, и получил сильную контузию. Он скоро оправился, но не мог заменить своих раненых дивизионных генералов. Дивизия Компана была уничтожена почти полностью, атаки французов оказались безуспешными.

В семь часов утра Наполеон велел возобновить наступление с большей силой. Маршал Ней вступил в левый фланг Даву; корпус Жюно, отданный в распоряжение Нея, стал во вторую линию; Мюрат двинул три кавалерийских корпуса — Нансути должен был подкрепить Даву, Монбрен — Нея, Латур-Мобур следовал в резерве.

Видя невозможность дивизиям Воронцова и Неверовского устоять против столь великих сил, которые развертывались на его глазах, Багратион послал за дивизией Коновницына, стоявшей с Тучковым на Старой Смоленской дороге, взял несколько батальонов из второй линии Раевского, бывшего правее от него, подвинул из резерва 2-ю гренадерскую дивизию принца Мекленбургского и разместил ее влево от Семеновского. Словом, он стянул к угрожающему месту все войска, находившиеся у него под рукой, и послал просить Кутузова о немедленном подкреплении.

Главнокомандующий направил Багратиону со своего правого фланга II пехотный корпус Багговута, несколько полков III кавалерийского корпуса и из общего резерва — три пехотных гвардейских полка, восемь гренадерских батальонов, три кирасирских полка и три артиллерийских роты. Но пока помощь приспела и князь Петр Иванович подготовлял ответный удар, неприятель ворвался в Семеновские флеши, защищаемые одной сводно-гренадерской дивизией Воронцова.

Ней, Даву, Жюно и Мюрат вели атаку, подкрепляемую 130 орудиями, большей частью гаубицами. Их навесные выстрелы производили ужасные опустошения среди русских егерей. Артиллерия и пехота Воронцова выжидали французов — первая на картечный, вторая на ружейный выстрел — и встретили убийственным огнем, хотя и не смогли остановить их натиска. Дивизия сражалась до тех пор, пока

не была истреблена. Воронцов, находившийся в центре своих позиций, видя, что редуты потеряны, взял батальон егерей и повел его в штыки, но вскоре получил штыковое ранение. Ему выпала судьба быть первым в длинном списке русских генералов, выбывших из строя в этот день.

Овладев флешами, французы кинулись между батареями, стараясь взять их с тыла. Стоявшая во второй линии дивизия Неверовского пошла в штыковую контратаку. Кирасиры, несколько полков драгун и уланов подкрепили пехоту, и сражение сделалось всеобщим. Даву и Ней несколько раз посылали к Наполеону гонцов просить подкрепления. Наполеон отвечал, что еще слишком рано вводить в дело свежие войска.

Против самой оконечности левого фланга русской армии, по старой Смоленской дороге рано поутру двинулся корпус Понятовского, вытеснил русских стрелков из деревни Утица и атаковал гренадеров из III корпуса Н. А. Тучкова. Нападение было отбито. Понятовский возобновил атаку и понудил Тучкова отойти к высотам за Утицей. Неприятель последовал за ним, атаковал высоты и овладел ими.

Силы были неравные: против Понятовского Тучков имел лишь одну дивизию, так как другая — Коновницына — была уже отправлена на помощь Багратиону. Тучков просил о подкреплении; Кутузов отрядил ему 17-ю дивизию генерал-лейтенанта Олсуфьева из корпуса Багговута, только что переведенного на левое крыло. Когда 17-я дивизия пришла к месту своего назначения, Тучков решился прогнать неприятеля с высот. Генерал Строганов с одной стороны, Олсуфьев с другой, а сам Тучков с третьей ударили в штыки. Высоты были возвращены, но Тучков заплатил за успех жизнью. (Простреленный насквозь пулей, он скончался через три недели.) Начальство над войсками принял Багговут. Поня-

товский отступил и несколько часов ограничивался канонадой, опасаясь быть завлеченным в засаду и не имея сообщений с главной армией Наполеона.

Меж тем Багратион стоял в кровопролитном бою. Войска с обеих сторон и подходившие к ним подкрепления конницы и пехоты бросались на батареи; взаимные усилия русских и французов возобновлялись яростно. Сколько ни отбивали солдаты Багратиона неприятелей, те, смыкаясь, валили и валили, наконец утвердившись в Семеновских флешах.

Подоспел Коновницын. Не дав французам передышки, он кинулся на них со своей дивизией. Презирая всю жестокость огня, солдаты пошли в штыки и с криком «Ура!» опрокинули французов.

Тела убитых и раненых кровавой массой покрывали оспариваемые батареи и окрестности. Солдаты выбывали тысячами, офицеры — сотнями, генералы — десятками. После ранения Воронцова пали племянник Суворова Горчаков и принц Мекленбургский. Командир Астраханского гренадерского полка Буксгевден, истекая кровью от трех полученных ран, пошел впереди своих солдат и погиб на батарее. Начальник штаба VI корпуса полковник Монахтин, указывая колонне на захваченную неприятелем батарею, сказал: «Ребята! Представьте себе, что это Россия, и отстаивайте ее грудью богатырской!» Картечь повергла его полумертвым на землю. Генерал-майор Александр Алексеевич Тучков у ручья Огника, под огнем ужасных батарей, закричал своему Ревельскому полку: «Ребята, вперед!» Солдаты, которым стегало в лицо свинцовым дождем, заколебались. «Вы стоите? — воскликнул Тучков. — Я один пойду!» Он схватил полковое знамя и кинулся вперед. Картечь расшибла ему грудь. Ревельцы подхватили знамя и бросились прямо на пушки.

М. С. Воронцов

Н. А. Тучков

Судьба Тучковых беспримерна. Три родных брата, достигнув генеральских чинов и пройдя невредимо многие войны, почти в одно время кончили свое поприще. Один, израненный штыками, полонен близ Смоленска; двое пали на Бородинском поле. Мать их лишилась зрения от слез, а юная супруга одного из павших соорудила затем на поле Бородина обитель и удалилась в нее от света...

Желая во что бы то ни стало сломить русских на их левом фланге, Наполеон поставил здесь более 400 орудий. Под их защитой громадные тучи пехоты и конницы возобновили напор на Багратиона. Более 300 соединенных с русской стороны пушек и сближенный резерв приготовились принять неприятеля, дали ему подойти и открыли жесточайший огонь. Разверзся как бы самый ад с его ужасами; артиллерийские громы беспрестанно усиливались.

Французы смело стремились вперед, своей отва-

гой вынуждая похвалы у самого Багратиона. Когда один неприятельский полк, осыпаемый картечами, продолжал идти без выстрела, неся ружья под курок, князь Петр Иванович воскликнул: «Браво!» Видя невозможность остановить неприятелей ружейными выстрелами и пушечным огнем, он приказал выступить им навстречу. Все колонны левого крыла по его знаку двинулись в штыки.

Заскрежетало железо о железо, затрещали кости, завязался кровопролитный бой. Казалось, все усилия храбрости истощились и уже нельзя было отличить французов от русских. Конный, пехотинец, артиллерист — в пекле сражения все перемешалось. Бились штыками, прикладами, тесаками, банниками; попирая ногами павших, громоздили новые тела убитых и раненых. Вражеские всадники, увлеченные запальчивостью, были захвачены в глубоком резерве, даже в русских гвардейских полках. Русские пушкари были примерно верны своему долгу. Брали редуты, ложились на пушки и не отдавали их без боя. Часто, лишась одной руки, канонир отмахивался другой. У подножия редутов лежали русские, французы, немцы. Истекая кровью, они еще бранили друг друга, а иные, случалось, грызлись зубами...

Багратион личным бесстрашием ободрял и вел вперед солдат. Его не смущал огромный перевес противника в силе. Ученик Суворова, он ждал возможности, измотав французов, атаковать их. Черепок ядра ударил ему в правую ногу и пробил берцовую кость. Боготворимый войсками, князь Петр Иванович хотел утаить от них тяжкую рану и превозмочь ее, но большая потеря крови отняла у него силы. Зрение его помрачилось; он едва не упал с лошади. Эта потеря была невосполнимой. Увозимый с поля боя, теряя по временам сознание, Багратион заботился о распоряжениях, посылал к Коновницы-

ну узнать о происходившем и останавливался в ожидании ответа. Состояние его было тяжелое. Подозвав к себе одного из адъютантов, он отправил его к Барклаю-де-Толли со словами примирения. Честная солдатская душа его сказалась в эту минуту во всей своей чистоте. Барклай, узнав о смертельном ранении Багратиона, поскакал по позиции, ища собственной гибели. Под ним пали пять лошадей; все его адъютанты, кроме одного — Левенштерна, были убиты и ранены, а он остался невредим...

Сделавшись старшим после Багратиона, Коновницын послал гонца к Раевскому, приглашая его в Семеновское для принятия команды. Коновницын не мог отлучиться, так как едва держался под ударами корпуса вице-короля Италии Евгения.

При начале боя на левом крыле русских войск корпус Евгения Богарне выжидал близ Бородина. Однако, когда Даву, Ней и Жюно одновременно перешли в наступление, Наполеон приказал ему прорвать центр русской армии.

С тремя дивизиями своего корпуса и кавалерией Груши Богарне перешел Колочу, направляясь прямо на Курганную батарею, защищаемую Раевским. Ее прикрывали четыре пехотных полка 26-й дивизии Паскевича.

Раевский расположил войска таким образом, чтобы при атаке неприятеля на курган взять французские колонны с обоих флангов. Паскевич приказал начальнику артиллерии своей дивизии не сводить орудий с батарей при приближении противника, а только, когда опасность станет неминуемой, отослать назад лошадей и зарядные ящики.

Оттеснив стрелков, засевших в кустарнике, войска вице-короля двинулись на батарею. 18 орудий и стоявшие по сторонам конно-артиллерийские роты поражали их метким огнем. Неприятель не колебался. Выстрелы русских артиллеристов становились

все чаще, заряды истощались, наконец густой дым закрыл неприятеля: нельзя было уже видеть ни успехов его, ни его расстройства.

Вдруг в пороховом дыму французские солдаты перелезли через бруствер и оказались на Курганной высоте. Неприятель не мог употребить в дело захваченные им 18 орудий, так как при них не было зарядов. Но по обеим сторонам взятой им батареи стали подвозить орудия, чтобы довершить поражение отступающих войск Раевского. Еще несколько минут промедления, и французы успели бы утвердиться в середине боевой черты русской армии. Задние колонны их спешили, удваивали шаг, чтобы поспеть быстрее на Курганную высоту.

Наступил решительный момент всей великой битвы. Казалось, только одно усилие — и неприятель восторжествует.

Кутузов в своей белой фуражке и расстегнутом сюртуке сидел на скамейке подле батареи у селения Горки. Ни рев орудий, ни падавшие вблизи ядра не смущали его.

Он был незримым центром всего происходившего теперь на семиверстном пространстве Бородинского поля. Все вокруг него двигалось, суетилось, перемещалось, спешило, волновалось, требовало внимания, ответа, помощи. Он один выглядел воплощением неподвижности и спокойствия, словно знал все наперед. Впрочем, за этой кровавой шахматной доской, где перемещались живые фигуры, он, возможно, видел на ход далее Наполеона. Вот почему Кутузов мог позволить себе расслабленно и покойно сидеть на скамейке, подставив пухлое лицо с орлиным носом августовскому ласковому солнцу. Рядом томился начальник главного штаба 1-й армии Ермолов, которому главнокомандующий запретил от него отлучаться, равно как и начальнику артиллерии Кутайсову, чья горячая храбрость уже увлекла

молодого генерала в самое горнило опасности, за что Кутузов на него долго досадовал.

Неослабевающий напор французов, ранение Багратиона, атаки на левом фланге и в центре — все это привело в смущение Барклая-де-Толли. Посланный им полковник Вольцоген передал слова военного министра, что сражение проиграно и важнейшие пункты в руках неприятеля. Кутузов, словно не понимая, сперва молча рассматривал Вольцогена, а потом начал отчитывать его, ударяя по скамейке пухлым старческим кулаком: «Милостивый государь!.. Да как вы смеете!.. Все это вздор!.. Поезжайте и передайте Барклаю... Что касается сражения, то ход его известен мне самому как нельзя лучше. Неприятель отражен во всех пунктах!..»

Эти слова, словно ледяной душ, остудили Барклая-де-Толли. В течение всей битвы он более не посылал адъютантов с подобными донесениями. Спокойствие Кутузова, его безграничная вера в стойкость русского солдата передавались всем.

Но вот в череде гонцов, прилетавших с разных мест боя, явился зять Кутузова полковник Кудашев, сообщивший, что французы усилили натиск на левом крыле, что Багратион и начальник его штаба Сен-При серьезно ранены, а генерал Тучков убит. Кутузов тотчас отправил к левому флангу генерала Ермолова с тремя конно-артиллерийскими ротами. Без разрешения главнокомандующего к маленькому отряду присоединился начальник артиллерии 1-й армии Кутайсов.

Во весь карьер понеслись роты из резерва вдоль фронта. Перекаты пушечной и ружейной стрельбы все усиливались по мере приближения Ермолова к центру русских позиций. И вот справа открылся на холме редут Раевского, позади которого заметно было большое смятение. Солдаты нестройными толпами валили от Курганной высоты, осыпаемые

вдогонку картечными выстрелами французов. Это были приведенные в полное расстройство егерские 18-й, 19-й и 40-й полки из дивизии Паскевича. Над высотой, в разрывах пороховых туч, трепетало с вспыхивающим на солнце золотым орлом вражеское знамя.

Ермолов мгновенно принял новое решение. Прежде чем ехать во 2-ю армию, необходимо немедленно восстановить здесь порядок и выбить неприятеля из редута, господствующего над всем полем сражения и справедливо названного ключом бородинской позиции. Он взял батальон Уфимского пехотного полка из VI корпуса и развернул его в атаку, чтобы линия оказалась длиннее и удобнее было захватить как можно большее число бегущих. Отступавшие егеря десятками присоединялись к уфимцам, создавая толпу в образе колонны. Так войско Ермолова достигло небольшой углубленной долины, отделяющей занятую неприятелем Курганную высоту. Здесь задержались остатки дивизии Паскевича, команду над которыми принял полковник Савоини.

Ермолов повел людей на курган; Кутайсов с частью пехоты взял правее. Закипел бой яростный, ужасный, сопротивление было встречено отчаянное. Прискакавший к батарее Раевского Барклай-де-Толли не имел под рукой резерва, и вся его свита мужественно пристроилась к атакующим.

Бились на батарее молча, не было сделано ни одного выстрела. С обеих сторон урон возрастал, доколе все французы не были переколоты. Пощады не давалось никому — солдаты сбрасывали с вала вместе с неприятелем и вражеские пушки. Всюду стояли лужи крови, среди которых умирали в судорожных страданиях тяжелораненые. Ермолов услышал сквозь хрипы и стоны по-французски мольбу о пощаде: «Не убивайте... Я король Неаполи-

А. И. Кутайсов

А. П. Ермолов

танский...» У самого вала он снял со штыков получившего двенадцать ран генерала, назвавшегося Мюратом. Со взятой батареи помчался в главную ставку гонец о пленении ближайшего сподвижника Наполеона. Все вокруг светлейшего князя тотчас закричали: «Ура!» Умеряя общую радость, Кутузов спокойно сказал: «Подождем подтверждения...» Вскоре привели пленного. Им оказался бригадный генерал Бонами. Он назвался Неаполитанским королем, желая спастись от неминуемой смерти...

А бой за Курганную высоту продолжался. Вся масса атакующих не могла взойти на тесный редут; многие в пылу преследования устремились по глубокому оврагу, покрытому лесом, и были встречены свежими войсками Нея. Ермолов приказал кавалерии заскакать вперед и гнать увлекшихся обратно не редут, а барабанщикам бить сбор. Явился израненный полковник Савоини с малым числом офицеров и солдат. После жестокой схватки ба-

тальоны, которыми командовал Ермолов, были малочисленны, при орудиях в укреплении — ни одного заряда. Наблюдавший за боем Барклай-де-Толли, не ожидая требования о помощи, прислал немедля батарейную роту и два полка пехоты. Теперь под руками Ермолова было все готово для отражения Богарне. Заменив свежими войсками утомленные, он приготовился к новому бою.

Сражение, временно смягчившееся, возгорелось с новой силой. Чтобы не дать русским возможности воспользоваться одержанным успехом, все пространство перед Курганной высотой заполнилось артиллерией и засыпало храбрецов картечью, гранатами и ядрами. 120 орудий под начальством генерала Сорбье составили огромную неумолкающую батарею. Занятая Ермоловым высота сильно выдавалась вперед, вражеский огонь был перекрестным и действие его истребительным. Несмотря на это, пехота по обе стороны батареи Раевского стояла в грозном устройстве. Ермолов послал своего адъютанта Граббе с разрешением пехоте лечь для уменьшения действия огня. Однако все оставались стоять и смыкались, когда вырывало ряды. Ни хвастовства, ни робости не было — умирали молча. Когда Граббе передавал приказание батальонному командиру, находившемуся впереди своей части верхом, тот, чтобы лучше слышать, наклонил к нему голову. Налетевшее ядро размозжило ее и обрызгало Граббе кровью.

В третьем часу пополудни Ермолов получил известие о смерти генерала Кутайсова. Верховая его лошадь прибежала в лагерь, седло и чепрак были в крови. На другой день офицер, принявший Кутайсова падающим с лошади, уже бездыханного, принес его знак Георгия 3-го класса и золотое оружие за храбрость...

Сам Ермолов тоже выбыл из боя. Картечь, по-

разившая насмерть стоявшего впереди унтер-офицера, прошла сквозь его ребра, пробила Ермолову воротник шинели, разодрала воротник сюртука и сильно контузила. Генерала снесли с возвышения, и через недолгий срок он пришел в себя. Оставаться долее на батарее Ермолов не мог и вызвал на свое место начальника 24-й дивизии Лихачева.

Взятие французами Курганной высоты разрывало бы позиции русских войск и осложняло их дальнейшую оборону. С отбитием высоты поколебалась вся наступательная мощь противника, едва не оставившего Семеновские флеши. Участвовавший в Бородинском сражении в качестве адъютанта Кутузова Н. Н. Муравьев-Карский написал впоследствии: «Сим подвигом Ермолов спас всю армию».

Кутузов получал беспрестанно все новые донесения об усилении неприятельских атак на левом крыле. Желая лично удостовериться в справедливости донесений, он сел на лошадь и въехал на пригорок, осыпаемый обломками гранат, летевшими во всех направлениях. На волоске была жизнь того, в ком видела свою надежду вся Россия. Тщетно уговаривали его спуститься с пригорка. И когда увещевания не подействовали, адъютанты взяли лошадь под узду и вывели главнокомандующего из-под выстрелов.

После лично проведенного обозрения Кутузов отдал два приказания: Милорадовичу со стоявшим на правом крыле IV пехотным корпусом Остермана-Толстого и II кавалерийским Корфа сблизиться к центру; Платову с казаками и Уварову с I кавалерийским корпусом переправиться вброд через Колочу, выше Бородина, и атаковать левое крыло неприятеля.

Этим движением главнокомандующий решил оттянуть часть сил от русского левого фланга.

Следствием ужасного боя на левом фланге была

уступка неприятелю Семеновских, или Багратионовых, укреплений, защищаемых несколько часов с геройским мужеством. Успеху французов способствовало их превосходство в числе и ранение князя Багратиона, лучшего из русских боевых генералов. Коновницын отвел войско за Семеновский овраг и занял ближайшие высоты. На них в один миг возвели батареи и жестокой пальбой удержали наступление французов. Появившись на батарее, Коновницын шутил под огнем, подбадривая пушкарей: «Жарко у вас!» «Греемся около неприятеля!» — отвечали ему. И действительно, было жарко! Русские, говоря языком старых преданий, парились в банях кровавых железными вениками...

Овладев флешами впереди Семеновского, Наполеон приказал Мюрату с кавалерийскими корпусами Нансути и Латур-Мобура обойти левое крыло русских, отрезать от войск, стоявших на Старой Смоленской дороге, и тем утвердить за собой победу. К левому флангу дивизии Коновницына примыкали полки лейб-гвардии Измайловский и Литовский, мужественно стоявшие в дыму и ужасах сражения. Вдруг, как воздушное явление, засветилась вдали медная стена. Она неслась неудержимо, с грохотом и быстротою бури. Саксонские кирасиры под начальством генерала Талемана промчались и бросились на правое крыло измайловцев.

Полки построились в каре и, допустив кирасиров на ближайший выстрел, открыли густой батальный огонь. Латы, не придавая мужества врагу, были слабой защитой. Враги показали тыл. Конные гренадеры попытались исправить неудачу кирасиров, но, принятые тем же образом, были опрокинуты. Третья атака была столь же безуспешной, как и первые две. Если бы в русских рядах хотя бы на самое короткое время водворился беспорядок или солдаты оробели, сражение было бы проиграно.

Громады неприятельской конницы только и ждали момента, чтобы обрушиться на них всей своей тяжестью. В промежутках между атаками ядра и картечь сыпались на гвардейские полки, которые в нападениях кавалерии видели отдохновение, избавлявшее их от пушечных выстрелов. В Измайловском полку были один за другим ранены старшие офицеры Храповицкий, Козляинов, Мусин-Пушкин; командование принял полковник А. П. Кутузов, единственный офицер-измайловец, который остался невредим. В Литовском полку из 1700 человек выбыло 953.

Сила русских войск, при всем их мужестве, начинала истощаться. Это не укрылось от Наполеона. В подкрепление кавалерий Мюрата отправил он молодую гвардию. Назначенная решить участь сражения, великой битвы, гвардия тронулась. Но едва она прошла небольшое расстояние, как Наполеон заметил на своем левом фланге появление русской конницы и отступление колонн вице-короля Евгения, беготню и тревогу в обозах и в тылу армии.

Это появились кавалеристы Уварова и еще далее и правее их — казаки Платова.

Вблизи обозов, где соединены были экипажи главной квартиры Наполеона, канцелярия министров, письменные дела штабов, подвижные госпитали, артиллерийские парки, пекарни и запасы разного рода, равнина вдруг запестрела донцами. Напрасно отмахивались французы и немцы длинными палашами и шпорили своих тяжелых коней. Донцы, припав к седлу, на сухопарых лошадках мчались стрелами, кружили, подлетали и жалили дротиками, как сердитые осы. Сам вице-король Евгений вынужден был искать спасения в одном из пехотных каре от русских кавалеристов.

Наполеон повелел гвардии остановиться и понесся к берегам речушки Войны, притока Колочи,

желая лично удостовериться, какие силы Кутузов отрядил для обхода и нападения. Драгоценное время было выиграно, центр укреплен корпусами Остермана-Толстого и Корфа. Дохтуров с остатками 2-й армии и войсками, в течение утра отправленными к ней на подкрепление, примкнул правым флангом к Остерману-Толстому, а левым расположился по косой линии к старой Смоленской дороге.

Восстановив порядок, Наполеон воротился и отдал приказ открыть канонаду по центру и левому крылу русских войск.

Над полем смерти и крови, затянутым пеленою разноцветного дыма, красным огнем опламенились вулканы, заревели по стонущим окрестностям громадные батареи. Гранаты лопались в воздухе и на земле, ядра гудели, сыпались со всех сторон, бороздили землю рикошетом, ломали в щепы, вдребезги все встреченное ими в своем полете. Выстрелы были так часты, что не оставалось промежутков между ударами. Русские артиллеристы, прибывшие из резерва, порою теряли прислугу и ящики, еще не вступив в бой. В конно-артиллерийской роте полковника Никитина в течение часа было убито 90 человек и 113 лошадей. Недоставало людей для поднятия орудий на передки; из пехоты брали солдат для прислуги; ратников ополчения сажали верхом на артиллерийских лошадей. Чугун дробил, но не колебал грудь русских.

Видя губительное действие своей артиллерии, Наполеон повел конные атаки. Кирасиры и уланы понеслись тучей на корпус Остермана-Толстого, однако были встречены таким жестоким огнем, что стали искать спасения в бегстве. Лошади без всадников, разметав гривы, ржали, бегали посреди мертвых и раненых. Вскоре были замечены у французов новые приготовления к атаке; конница их показалась впереди пехоты в колоннах. Необходимы

были отчаянные усилия с русской стороны.

Барклай-де-Толли послал за кавалергардскими и конно-гвардейскими полками — из всей русской кавалерии они одни еще не были в деле. Услышав приказание идти вперед, отборные латники огласили воздух радостными восклицаниями. Пока они подвигались, неприятельская конница, предводимая генералом Коленкуром, братом наполеоновского посла, врубилась в пехоту 24-й дивизии, прикрывавшую Курганную батарею, а пехотные колонны вице-короля Евгения подошли под самый курган.

Орудия на кургане после последнего залпа умолкли. Неприятельская пехота взбиралась на вал со всех сторон; ее опрокидывали штыками в ров, наполнившийся трупами; свежие колонны заступали места и с новой яростью лезли умирать. На девяти европейских языках раздавались клики: уроженцы Италии, дети Неаполя, пруссаки, поляки, австрийцы и, конечно, галлы дрались с подмосковной Русью, с уроженцами Сибири, с соплеменниками черемис, мордвы, заволжской чуди, калмыков и татар! Пушки лопались от чрезмерного разгорячения, зарядные ящики вспыхивали страшными взрывами. Это было уже не сражение, а бойня. Стены сшибались и расшибались, и бой рукопашный кипел повсеместно. Штык и кулак работали неутомимо, иззубренные палаши ломались в куски, пули сновали по воздуху и пронизывали насквозь...

Наконец саксонская конница Тильмана ворвалась в Курганный редут с тыла. За саксонцами мчался весь корпус Коленкура. Груды тел лежали внутри и вне окопа, почти все храбрые его защитники пали. Одним из последних выстрелов, пущенных с русской батареи, был убит Коленкур. Начальник 24-й дивизии Лихарев, несмотря на полученные им раны, сражался и искал смерти в рядах неприятеля. Заметя в нем генерала, французы уважили его мужест-

во и предпочли полонить его. Взятие Курганной батареи оказалось последним усилием истощенных неприятельских сил.

На левом крыле все усилия французов, действия их артиллерии и многочисленные атаки конницы не могли сбить Дохтурова с занятой им позиции. Солдаты отстреливались и отбивали все атаки, меж тем как Дохтуров, сидя на барабане среди солдат, подавал им пример хладнокровия.

Героическое сопротивление русских смутило Наполеона. На Бородинском поле — впервые в своей жизни! — он был нравственно поколеблен. Маршалы посылали к нему гонцов, чтобы свежим подкреплением сломить мужество русских. Целый корпус — старая гвардия стояла в ружье, отборные солдаты в высоких медвежьих шапках с белыми кистями и синих мундирах с красными отворотами.

Наполеон прискакал на Семеновские высоты, а оттуда на батарею Раевского. Перед ним возвышались горы трупов, а вдали, в клубах дыма он увидел готовую к новому отпору русскую армию. И тогда он ответил маршалам: «Я не хочу истребить мою гвардию. За 800 лье от Парижа не жертвуют последним резервом...»

В шесть пополудни по всему полю только ревела канонада до наступления мрака. Изнурение обеих армий положило предел всем их естественным действиям. Глубокая темнота летнего вечера спустилась на гробовую равнину, безмолвную, словно огнедышащая гора после извержения.

Ночью Наполеон приказал отступить от Багратионовых флешей и батареи Раевского, на которых оставил убитыми свыше 50 тыс. французских солдат и 47 генералов.

Уныние и растерянность царили в рядах наполеоновской армии, мертвое молчание заменило песни и шутки. Все были потрясены и подавлены. Вблизи

Наполеона не слышно было даже лести. Не удивительно: ведь именно на Бородинском поле Наполеон впервые проиграл генеральное сражение. Он остановился перед стальной грудью русских воинов, которые все — от солдата до генерала — покрыли себя неувядаемой славой.

Наполеон стремился одним сражением разгромить русскую армию, заставить Россию капитулировать и продиктовать ей свои условия мирного договора. Бородинское сражение рассеяло эти надежды. Именно Бородино исторгло у Наполеона признание, что из 50 данных им сражений в битве под Москвой его войска проявили наибольшую доблесть и добились наименьшего успеха. Русские же, по словам Наполеона, стяжали право быть непобедимыми.

Каковы итоги Бородинской битвы?

Известный советский историк член-корреспондент АН СССР П. А. Жилин отмечает: «При оценке Бородинского сражения следует подчеркнуть по крайней мере три главных результата. Во-первых, наполеоновской армии не удалось сломить сопротивление русских, разгромить их и открыть себе свободный путь к Москве. Во-вторых, русская армия вывела из строя почти половину войск противника. И наконец, в-третьих, на Бородинском поле французская армия понесла непоправимый моральный ущерб, в то время как у русских войск возросла уверенность в победе. И как бы ни пытался французский император в своих бюллетенях представить сражение под Бородино как свою победу, все же во Франции и Европе поняли, что эта «победа» явилась для Наполеона и его армии началом катастрофы».

В этой грандиозной битве успешный для русских исход ее стал возможен благодаря высокому моральному духу войск, защищавших родную землю от

захватчиков. Отсюда неисчислимые примеры героизма и мужества, проявленные ее участниками, чувствовавшими, что они ведут справедливую войну. Преисполненные горячей любви к Отечеству, сплоченные сознанием своего долга, войска показали замечательные образцы искусного маневра на поле боя, стойкости и активности.

В Бородинском сражении с огромной силой проявилось великое полководческое дарование Кутузова. Вопреки бытующему в исторической литературе (особенно западной) мнению о вялости и пассивности русского главнокомандующего, следует отметить колоссальную энергию и умение в руководстве Кутузовым войсками на поле боя. В Бородинском сражении он сдержал натиск армии, свыше 10 лет считавшейся непобедимой, армии, во главе которой стоял крупнейший полководец того времени.

для сохранения Москвы, а не для потери ее. В стране от Немана до Москвы-реки, от Стыри и до Двины развевались вражеские знамена; уже не только Москве, но Петербургу и Киеву угрожало нашествие, а полуденную Россию опустошала моровáя язва. В эту пору в глазах Европы падение Москвы почиталось ручательством, что Россия низойдет в разряд второстепенных государств.

На совете в Филях Кутузов долго не произносил решающего слова, так как всегда держался правила древнего полководца, не хотевшего, чтобы и подушка знала о его намерениях. Однако поставленный им вопрос: «Ожидать ли нападения в неудобной позиции или отступить?» — уже содержал в себе и ответ.

В разгоревшихся спорах Беннигсен, Дохтуров, Ермолов настаивали на сражении; Барклай-де-Толли, Остерман-Толстой, Раевский предлагали оставить Москву без боя. Долго молчавший Кутузов наконец сказал: «Вы боитесь отступления через Москву. А я смотрю на это как на провидение — это спасет армию. Наполеон, словно бурный поток, который мы еще не можем остановить. Москва будет губкой, которая его всосет...»

Из всех русских генералов один Кутузов мог оставить Москву, не повергнув государство в глубокое уныние. На этом совете вновь подтвердилась неоспоримо великая истина, что в Отечественной войне 1812 г. Кутузов был сущей необходимостью для России. «С потерею Москвы не потеряна еще Россия,— заявил он.— Первою обязанностью ставлю себе сохранить армию, сблизиться с теми войсками, которые идут к ней на подкрепление, и самим уступлением Москвы приготовить неизбежную гибель неприятелю. Поэтому я намерен, пройдя Москву, отступить по Рязанской дороге. Знаю, ответственность обрушится на меня. Но жертвую собой для блага отечества».

Давая понять, что заседание закрыто, он заключил: «Приказываю отступать...»

Генералы тихо разошлись, и фельдмаршал остался один. Он ходил взад и вперед по избе, когда вошел полковник Шнейдер, находившийся при нем безотлучно 20 лет. Пользуясь правом свободного с ним разговора, он старался рассеять Кутузова и заводил с ним речь о разных предметах. Слова его оставались без ответа. «Где же мы остановимся?» — спросил Шнейдер наконец. Будто пробужденный вопросом, Кутузов подошел к столу, сильно ударил своим пухлым кулаком и с жаром сказал: «Это мое дело! Но уж доведу я проклятых французов, как в прошлом году турков, до того, что они будут лошадиное мясо есть!..»

Успокоившись, фельдмаршал принялся отдавать приказания о движении войск на Рязанскую дорогу. При этом он запретил перевозить продовольствие с Калужской дороги, куда загодя, после Бородина распорядился направить хлебные запасы. Милорадовичу велено было командовать арьергардом.

Всю ночь Кутузов был чрезвычайно печален, несколько раз плакал. Как дальновидный стратег он давно уже понимал необходимость уступить врагам Москву. Но как русский мог ли он не болеть о ней?..

Возмездие

Выйдя из Москвы через Рязанскую заставу, Кутузов искусным боковым движением обманул Наполеона и отсек французские войска от плодородных южных губерний России.

Сделав два перехода по Рязанской дороге, армия остановилась на сутки у Боровского перевоза через Москву-реку. Рассчитывая, что этих двух маршей будет достаточно, чтобы уверить неприятеля в движе-

А. И. Остерман-Толстой

М. А. Милорадович

нии русских к Коломне, за Оку, Кутузов повелел идти влево, к Подольску, проселочной дорогой, прикрываясь речкой Пахрой. Кроме корпусных командиров, никто не знал настоящего направления; офицеры и солдаты истощались в догадках, рассуждая о намерениях светлейшего князя. Оставленному на месте отряду было приказано делать вид, будто вся армия отступает к Рязани.

5 сентября с рассветом войска двинулись двумя колоннами мимо опустелых селений и поздно вечером расположились на Тульской дороге у Подольска, при страшном зареве пожара московского, освещавшего весь небосклон. Густые облака, в которых отражался пламень Москвы, текли, как потоки лавы, по темной синеве неба.

Когда армия совершала боковое движение, арьергард под командою Милорадовича в назначенное время тоже пошел влево. На всех пересекаемых им дорогах Милорадович оставлял отряды с приказа-

нием каждому из них не следовать уже за общим движением, но при появлении неприятеля отступать той дорогой, на которой находился. Мюрат, посланный Наполеоном, долго шел по Рязанскому тракту, за двумя казачьими полками, в уверенности, что перед ним главные силы Кутузова. Только в Бронницах, за Пахрой, король Неаполитанский понял свою ошибку и поворотил к Подольску.

Между тем Кутузов, прибыв с войсками в Красную Пахру, немедленно велел конному отряду Дорохова идти на Можайскую дорогу для истребления французских транспортов и команд, двигавшихся к Москве. Набеги Дорохова были удачны: в течение недели он взял в плен до 1,5 тыс. человек и уничтожил парк в 80 ящиков. Узнав о появлении в своем тылу русских, Наполеон спешно послал для очищения Можайской дороги сильный отряд, но Дорохов отступил так искусно, что, ретируясь, наголову разбил два эскадрона гвардейских драгунов.

Кутузов намеревался собраться с силами, дать время разгореться народной и партизанской войне и в особенности, по любимому его выражению, «усыпить Наполеона в Москве». Никто не мог знать, что предпримет Наполеон, но Кутузов уже развивал соображения, упрочившие за ним военный перевес над неприятелем. Русский полководец хотел еще отступить по старой Калужской дороге, ожидать подкреплений, выиграть время, усилить свою армию, не встревожить Наполеона, но изнурить его мало-помалу. Все, что способствовало этой цели, было предпочтено им ничтожной славе победить неприятельский авангард.

Великий ум его постиг сущность Отечественной войны.

15 сентября армия выступила из Красной Пахры в Тарутинский лагерь, остановившись на 3 дня в селении Моче. Мюрат несколько раз показывался с

крупными силами против авангарда; самое значительное дело произошло 17 сентября под Чириковым, где был взят в плен начальник штаба Мюрата генерал Феррье. Мюрат присылал просить об освобождении его под честное слово, но Кутузов ласково отказал. 20 сентября русские войска перешли речку Нару и вступили в Тарутинский лагерь. Фельдмаршал приостановился на высоком берегу Нары и, словно предрекая будущее, произнес:

— Отсель ни шагу назад!

Маленькая деревушка Леташовка на Старой Калужской дороге, вблизи Тарутина, на целых две недели сделалась военным центром России.

Сюда приезжали со всех концов страны, чтобы убедиться, что русская армия готовится к новым сражениям, и предлагали свои услуги Кутузову. Из южной России к Тарутинскому лагерю везли по дорогам всякие припасы. Крестьяне из ближних и дальних селений приезжали повидаться с оставшимися в живых родственниками и земляками. Крестьянки толпами ежедневно приходили с гостинцами в полки отыскивать мужей, сыновей, братьев и говорили: «Только дай нам, батюшка, пики, то и мы пойдем на француза...»

Казалось, вся Россия сходилась душой в Тарутинском лагере. Каждый истинный сын Отечества из самых отдаленных пределов стремился сюда, если не сам, то мыслью и сердцем, жертвуя зачастую последним своим достоянием.

Армия в волшебно короткий срок возросла до 100 тыс. человек, не считая казаков и ополчения. Войска укомплектовали рекрутами, лошадьми, зарядами, снабдили тулупами, сапогами и валенками, удовольствовали сухарями. Ежедневно в Тарутино прибывали из Тулы новые пушки и единороги, и артиллерийский парк снова умножился, составив 622 ствола. 2-я армия, особенно пострадавшая при

Бородино, была присоединена к 1-й.

Как никогда, высок был дух русских войск. В землянках и шалашах играла духовая и роговая музыка. Еще более поднимали настроение утешительные беседы в полках. Старые усачи припоминали предания отцов своих, когда Петр Великий завлек шведа на его погибель во глубину страны и разбил наголову под Полтавой: «То, что произошло с Карлом XII, то и с Наполеоном Карловичем случиться может,— говорили они новобранцам у курящихся бивуаков,— ежели постоять грудью, до последней капли крови...»

К этому времени в многочисленных мелких стычках с неприятелем было отбито уже несколько тысяч пленных. Любопытно было видеть их всех вместе в загоне для скота: голубой гусар стоял возле малинового улана; длинный кирасир в рыцарском шишаке возвышался подле тощего итальянца-стрелка; гвардейский артиллерист в куньей шапке глядел с презрением на малорослого вестфальца; француз с голландцем, испанец с поляком, баварец с итальянцем являли собой странную смесь европейских наций в одной толпе. Сами они дивились своему стечению; многие не понимали друг друга, как при вавилонском столпотворении, и только некоторые слова языка господствующей нации давали разуметь им, что все они суть сподвижники одного кровавого владыки. Многие из них имели разные вещи, бронзовые или серебряные, награбленные в Москве: перстеньки, серьги, колечки. Они торговали ими, и добрые русские солдаты выменивали на хлеб и сухари или покупали за деньги то, что могли бы отнять у грабителей как им не принадлежащее.

К Кутузову явился штабс-капитан Фигнер, который с небольшим числом удальцов оставался в Москве. От него стали известны подробности пожара столицы.

Когда, по выезде из Москвы, Кутузов был у Коломенской заставы, Наполеон стоял уже у Дорогомиловской.

Он с нетерпением ожидал депутатов с мольбой о пощаде и городскими ключами; перед ним лежал на траве большой план Москвы. Не видя депутатов, Наполеон посылал одного за другим гонцов узнать о причине, замедлившей их прибытие. Но напрасно блуждали посланные по пустым бесчисленным улицам. Не найдя никого, они не смели воротиться к своему повелителю, не исполнив его воли. Наконец Наполеону доложили, что в Москве нет никого, кроме жалкого числа обывателей.

Неожиданность поразила французов громовым ударом. Рушились победные грезы, смолкла радость и обратилась в уныние, а потом и в ропот. До наступления темноты в городе сохранялся вид порядка, но, когда пала ночь, насилия сделались повсеместными. Изнуренные недостатком пищи и усталостью, неприятели врывались в дома и, утолив голод и жажду, предавались всем порывам необузданных страстей. Ответом было мщение.

Едва Наполеон вступил в чертоги русских царей, запылали Гостиный двор и Каретный ряд.

К вечеру оказавшийся в разных местах огонь при поднявшемся вдруг порывистом ветре соединился в один огромный пожар. В полночь вокруг Кремля ничего не было видно, кроме извивавшегося под облаками пламени. Рассвирепевший вихрь носил во все стороны горящие головни. Горели общественные здания, древние палаты царей и патриархов, рушились жилища мирных граждан и церковные храмы. Неприкосновенными остались только честь и свобода России.

Палящий жар потревожил Наполеона в Кремле. Пораженный зрелищем столицы, тонущей в огне, он говорил: «Москвы нет более... Я лишился награды,

обещанной войскам!.. Русские сами зажигают... Какая решительность... Что это за люди? Это скифы!..» Головни начали падать на Кремль; несколько раз загорался арсенал. Гвардия стала в ружье. Вице-король Евгений и начальники гвардии упрашивали Наполеона выехать за город. Он долго не соглашался, пока ему не донесли, что все находящиеся в Кремле подвергаются неминуемой опасности сгореть заживо.

Четыре дня жил Наполеон в Петровском дворце, между тем как несчастная Москва была позорищем неслыханных злодейств. Посреди пламени совершались разбои, душегубства, поругание церквей. Не были пощажены ни пол, ни возраст, ни невинность, ни святыня. В неприятельской армии исчезли все узы повиновения; корысть соединяла генерала с простым солдатом. Вооруженные мечом, упоенные напитками и злобой, враги бегали по длинным улицам, пустырям и осиротевшим домам, стреляли в окна, уносили все драгоценное.

Но в развалинах пылающей столицы захватчики почувствовали сопротивление какого-то отважного и скрытого мстителя. Вооруженные отряды среди пламени, на улицах и в домах делали засады, нападали на грабителей, особенно по ночам. Так, Фигнер начал истреблять неприятелей с небольшой группой удальцов.

Тщетно французы искали его, хоть он был у них перед глазами. В простой одежде мужика, с отпущенной бородой днем он бродил между неприятельскими солдатами, чем мог, им прислуживал, между тем вслушивался в их разговоры, потом распоряжался со своими удальцами для ночных нападений, и к утру по всем улицам валялись тела убитых врагов.

По выходе из Москвы отважный партизан был взят в проводники небольшим вражеским отрядом, направляющимся от Можайска. Целый переход сле-

И. С. Дорохов

Д. В. Давыдов

довал он с ним и высмотрел, что 6 орудий итальянской артиллерии, идущей из Павии, охраняют выздоровевшие из госпиталей. С ночлега Фигнер бежал в лес, где недалеко от дороги скрыт был его отряд, увеличенный новыми храбрецами. Неприятельский парк был захвачен почти без сопротивления, пушки Фигнер заклепал и зарыл в землю. «Я старался,— рассказывал Фигнер,— чтобы французы не чувствовали себя спокойно ни днем, ни ночью в тех местах, через которые проходил отряд мой...»

К этой поре Москва была окружена плотным кольцом. На Новой Калужской дороге стояли отряды капитана Сеславина и поручика Фонвизина, у Вереи — генерала Дорохова, на Тульской дороге — зятя Кутузова полковника Кудашева, на Рязанской — полковника Ефремова, между Можайском и Вязьмой совершал дерзкие набеги Денис Давыдов, у Можайска находился полковник Вадбольский, у Волоколамска — Бенкендорф, у Воскресенска — май-

ор Фиглев, а на Дмитровском, Ярославском и Владимирском трактах действовали казачьи отряды. Фигнер все время бродил в окрестностях Москвы между главными силами Наполеона и авангардом Мюрата.

Уже повсюду, где только ступила нога захватчиков, занялся пожар войны народной. В селениях запирали ворота и ставили к ним караулы; у околиц устраивали шалаши в виде будок, а подле них — сошки для пик. Никому из посторонних не дозволялось приближаться к деревням, даже русским курьерам и партизанам: на уверения, что они свои, первым ответом бывал выстрел или пущенный с размаху топор. Лишь после переговоров, убедившись, что нет обмана, крестьяне объясняли причину своей осторожности: «Да ведь у злодея всякого сброда люди...»

Патриотическое воодушевление было всеобщим, всенародным. «Русский народ,— отмечал генерал Воронцов,— до последнего человека показал миру, что нет на свете такой силы, которая могла бы сокрушить народ, решившийся лучше всем пожертвовать, чем подчиниться иноземной власти». Движение это шло по велению души и сердца, а не приказным, казенным порядком. Оно вспыхнуло вопреки социальным противоречиям, разделявшим помещика и крестьянина, властелина и раба, господина и холопа. «Все распоряжения и усилия правительства были бы недостаточны,— писал декабрист И. Якушкин,— если бы народ по-прежнему остался в оцепенении. Не по распоряжению начальства жители, при приближении французов, удалялись в леса и болота, оставляя свои жилища на сожжение; не по распоряжению начальства выступило все народонаселение с армией из древней столицы».

Пламя народной войны грозно разрасталось.

Соединяясь в крупные партии, ведомые кем-либо

из отставных солдат или отважных товарищей, крестьяне нападали на неприятеля. Когда французы бывали в превосходящем числе, против них употреблялись хитрости. Ласково, с поклоном встречая французов, поселяне предлагали им яства и напитки, а потом отнимали у них оружие либо припирали двери дома бревнами, обкладывали сени хворостом и сжигали супостатов вместе с собственными избами.

Случалось, что в отсутствие отцов, мужей и братьев на мародеров нападали женщины, брали их в плен и с косами и вилами сопровождали в ставку. Воины «великой армии» со стыдом, а иногда с бешенством и слезами понуждены были подчиняться им. По своему ожесточению против неприятеля известнее других сделалась старостиха Василиса Кожина, дородная женщина с длинной французской саблей через плечо поверх французской шинели.

Покинув колеи родных привычек, простые сыны и дочери России преобразились в воинов, чем и как могли, разили врага. Князь Кутузов раздавал храбрейшим Георгиевские кресты. Подвиги их прославлялись в песнях.

...Наполеон, заперший себя в Москве, окруженный враждебным и вооруженным народом, начал тревожиться своим положением и искать пути к замирению. Сперва через русского чиновника Яковлева (отца Герцена) он обратился к Александру I с предложением начать переговоры — ответом было лишь презрительное молчание. Тогда он направил своего генерал-адъютанта Лористона в Тарутино. Искусно притворившись, что он со своей стороны душевно желает мира, Кутузов ввел в заблуждение Наполеона и его посланника. В то время как французы в надежде на вожделенный мир оставались в бездействии в Москве, вся Россия готовилась к истреблению и изгнанию неприятеля. Ожесточение народа усиливалось, приобретая все больший раз-

мах; Кутузов руководил из своей ставки действиями партизанских отрядов и готовил контрнаступление. Малая война, истощавшая французскую армию, грозно перерастала в большую.

Самым логичным казалось навалиться всеми силами на 25-тысячный кавалерийский авангард под командованием Мюрата, стороживший русских перед Тарутиным и отдалившийся от главной армии на 50 верст. Разгром этого отряда представлялся тем более достижимым, что противник, не ожидавший нападения, был беспечен. Казаки заезжали даже в тыл Мюрату через его левый фланг лесом, который не охранялся. Однако поражение авангарда повлекло бы немедленное выступление французской армии из Москвы. В задачу же Кутузова входило как можно дольше оставить в бездействии неприятеля, которому каждый час и каждый клок сена стоили крови.

«Чем долее останется в Москве Наполеон,— повторял русский главнокомандующий,— тем вернее наша победа».

Между тем начальник главного штаба Беннигсен, отношения которого с Кутузовым сделались враждебными, вместе с английским генералом Вильямсом торопил фельдмаршала, упрекал его в медлительности и старался еще более восстановить против Кутузова и так не благоволившего к нему Александра I. Из-за интриг Беннигсена вынужден был покинуть армию Барклай-де-Толли...

По разработанной диспозиции правое крыло русской армии под начальством Беннигсена тремя колоннами должно было 6 октября атаковать незащищенный левый фланг Мюрата. Казакам Орлова-Денисова и гвардейской кавалерии вменялось зайти в тыл французам и отрезать им отступление по столбовой дороге. Вторая колонна Багговута назначена была ударить с фланга. В центре наступать должен был корпус Дохтурова.

Однако полной победы над Мюратом не произошло из-за того, что Беннигсен со своими колоннами сбился в лесу с пути, долго блуждал, и только один Орлов-Денисов оказался перед зарею у края леса. Опасаясь быть открытым французами и ожидая ежеминутно появления пехоты, он понесся с десятью казачьими полками прямо на неприятеля. Внезапность помешала французам стать в ружье; они едва успели поворотить пушки и, сделав несколько выстрелов, побежали за Рязанский овраг. Весь лагерь и 38 орудий были схвачены казаками.

Пока Орлов-Денисов собирал рассыпавшихся по французским бивуакам казаков, показался из леса Багговут с одной егерской бригадой. Случайное вражеское ядро сразило командира наповал. С его смертью общая связь действий корпуса прекратилась, егеря рассыпались в стрелки, нападали храбро, но не были своевременно поддержаны запоздавшими в лесу колоннами. Мюрат уже успел построиться, переменить фронт и отправлял обозы, чтобы они не мешали отступлению.

Когда правый фланг русских подался наконец вперед, Кутузов повелел стоявшим в центре пехотным корпусам двинуться за ним. Мюрат неоднократно останавливался не для отпора, но для устройства войск и удаления тяжестей, однако не мог удержаться. Несколько полков его обратилось в бегство; кавалеристы без седел и мундштуков мчались в разные стороны по произволу своих тощих кляч. Преследование продолжалось семь верст.

Трофеи заключались в 38 орудиях, знамени, 40 зарядных ящиках, более 2500 пленных и большом обозе. В числе убитых были генералы Фишер и Дери. Русские узнали о бедствии, переживаемом французами. В неприятельском лагере вокруг догоравших бивуачных огней валялись объеденные лошади и ободранные кошки. Около шалашей разме-

таны были иконы, похищенные из соседних церквей и употребляемые вместо дров.

Тарутинское сражение, стоившее русским 500 убитых и раненых, имело великое нравственное значение. С самого начала похода 1812 г. оно было первым наступательным действием главной армии и увенчалось хоть и не полным, но по крайней мере значительным успехом. Милорадович с авангардом расположился при Винкове, где русские впервые в этой войне стали на земле, отбитой у неприятеля.

...Тарутино, где был рассвет русской победы, украсилось и первым, сооруженным во славу Отечественной войны двенадцатого года памятником. Получив в наследство Тарутино, сын знаменитого полководца Румянцева-Задунайского в 1828 г. отпустил крестьян в вольные хлебопашцы, желая, чтобы село это никогда не переходило в руки частным лицам. Крестьяне порешили воздвигнуть на собственный счет монумент, который был окончен и освящен в 1834 г. На нем помещена следующая надпись:

«На сем месте российское воинство, предводительствуемое фельдмаршалом Кутузовым, укрепясь, спасло Россию и Европу».

11 октября Кутузов, желая знать, что происходит за его левым флангом, на Новой Калужской дороге, направил туда корпус Дохтурова. Его беспокоило молчание Наполеона, и он справедливо ожидал от него ответных действий. Ночью в расположение корпуса прискакал со своими партизанами Сеславин, сообщивший, что Наполеон с главными силами следует по Новой Калужской дороге к Боровску. В главную ставку с важной вестью полетел дежурный штаб-офицер. Его немедленно ввели в избу к Кутузову.

Фельдмаршал сидел на постели в сюртуке, потому что на войне никогда по ночам не раздевался. Радость сияла в его глазах. «Скажи, мой друг,—

спросил он посланного,— что за событие, о котором привез ты мне весть? Неужели воистину Наполеон оставил Москву и отступает? Говори же скорей, не томи сердца, оно дрожит!..» Когда штаб-офицер доложил о происходившем, Кутузов, содрогаясь от слез, оборотился к висевшей в углу иконе: «Боже, создатель мой! Наконец ты внял молитве нашей! С сей минуты Россия спасена!»

Кутузов и на этот раз разгадал замысел Наполеона — пробиться в южные, нетронутые войной губернии России, чтобы избежать голода, уже опустошавшего его армию. Русский полководец приказал Дохтурову заступить французам дорогу у Малоярославца и отправил ему тотчас 4 казачьих полка; Платову повелел идти туда же со всеми казаками и ротой конной артиллерии. Армии было приказано быть готовой к выступлению.

Настало 12 октября, день, когда была поставлена преграда дальнейшим наступательным действиям завоевателя и началось сокрушение исполинского могущества, сооруженного шестнадцатилетними победами.

Малоярославец, уездный город Калужской губернии, расположен на правом, возвышенном и крутом, берегу реки Лужи. Он запирал собой несколько дорог: новую почтовую из Москвы через Боровск на Калугу, проселочные из Тарутино, из Серпухова и из Медыни, лежащей на пути между Юхновым и Можайском. Дохтуров, устроившись лагерем позади города, поручил защиту его Ермолову, которого подкрепил своей пехотой. Два раза русские брали Малоярославец и оба раза были выбиты из него.

Со стороны Боровска к Малоярославцу прибывали все новые полки итальянцев из корпуса Евгения Богарне. В огне была уже вся дивизия Дельзена. Перед полуднем в город, куда Ермолов посылал один полк за другим, вступила с севера дивизия

Брусье; к этому времени Дельзен был убит. Вслед за егерями, удержавшими часть Малоярославца, с неимоверной быстротой явились Софийский и Либавский полки. Ермолов приказал построить их в колонны и лично подтвердил свой приказ — нижним чинам не заряжать ружья и без крика «ура» ударить в штыки. Вместе с ними пошли все егерские полки. Неприятель был сбит и преследуем до центра города. На улицах разгорелось самое упорное сражение, но победа не склонялась ни на ту, ни на другую сторону.

Для действия конницы в городе не было места, и она оставалась наблюдать броды за дорогой к Спасскому, откуда должна была прийти главная армия. Ермолов отправил навстречу Кутузову генерал-адъютанта Орлова-Денисова с убедительнейшей просьбой спешить к Малоярославцу, а не получив ответа, послал к фельдмаршалу находившегося при русских войсках одного германского принца. Вместе с Дохтуровым Ермолов с тревогой смотрел с возвышения на свежие силы неприятеля, подвигавшегося по Боровской дороге. То были дивизия Пино, итальянская гвардия из корпуса вице-короля и корпус Даву, которому Наполеон велел поспешно идти для подкрепления сражавшихся.

Итальянцы усиливали натиск. Выбитый последний раз из города, Ермолов устроил против главных ворот Малоярославца сорокапушечную батарею. Он порешил обрушиться на наступающих жестокой канонадой и затем отходить. Сзади не имелось в резерве ни одного батальона, все были введены в дело. Но тут из-за пыльных облаков, обыкновенно поднимающихся впереди громады движущихся войск, блеснули штыки и ружейные стволы. На дороге от Спасского показался корпус Раевского и за ним вся армия. Сделай неприятель еще дружный напор до прихода войск — трудно было бы устоять против его

многочисленности; опоздай несколькими часами Кутузов — Наполеон мог бы занять Новую Калужскую дорогу...

Все пришедшие из Тарутино корпуса уже выстроились на Новой Калужской дороге, под неприятельскими ядрами. Вокруг Кутузова свистели даже пули. Тщетно упрашивали его удалиться из-под выстрелов. Он не внимал просьбам, желая удостовериться собственными глазами в намерениях Наполеона. Дело шло об обороте всего похода, а потому ни в одном другом сражении Кутузов так долго не оставался под выстрелами, как при Малоярославце.

Он повелел Платову с 20 казачьими полками отделиться от армии влево, по берегу Лужи, и оттуда наблюдать дорогу, ведущую из Боровска в Малоярославец, тревожить неприятелей в тыл и в правый фланг и тем отвлекать внимание Наполеона.

На рассвете 13 октября в обгорелом, дымившемся Малоярославце не видно было ни одного неприятельского стрелка: все они, попрятавшись, сидели за развалинами домов и заборов. В унисон мертвой тишине и опустошению наступил мрачный пасмурный день. Кутузов приказал авангарду отойти назад и присоединиться к армии; полки, стоявшие всю ночь под ружьем, медленно отступили. Несколько вражеских гранат лопнуло в воздухе, не причинив вреда. Готовый принять Наполеона, Кутузов ожидал известий о его движениях от Платова.

Глубокой ночью три сильных отряда казаков двинулись в обход французов и в четвертом часу поутру переправились на левый берег Лужи, а затем пошли с величайшей тишиной к столбовой дороге и остановились, завидя бивачные огни неприятеля. Всматриваясь, приметили они тянувшееся по тракту войско, пешее и конное, имевшее между собою частые промежутки. То была неприятельская артиллерия, следовавшая из Боровска к Малоярославцу. Началь-

ники съехались и, переговоря, решили напасть на французов.

Сперва донцы пошли шагом, потом рысью, наконец с обычными криками высыпали на дорогу. Артиллерия своротила в сторону, стараясь спастись по полям, но была настигнута, при этом захвачено более 50 орудий. Пока одни казаки поворачивали пушки, чтобы увезти их, остальные кинулись на обозы и понеслись по дороге далее, наскакав прямо на три взвода драгун под огромными шишаками и в светлых плащах. Посреди них окруженный генералами в облитых золотом мундирах всадник в треугольной шляпе, с мокрой от пота челкой обнажил шпагу.

Под угрозой пленения оказался сам Наполеон.

В пятом часу пополуночи поехал он из Городни в Малоярославец в сопровождении только трех взводов, так как остальной конвой не успел отправиться за ним. Дорогой у генерала Паца упал эполет. Он сошел с лошади поднять его и, наклонясь к земле, услышал справа конский топот и ржанье лошадей. Поднялась тревога, кое-кто из челяди стремглав кинулся назад, не слушая и не отвечая на вопросы. Часть экипажей начала поворачивать, и несколько их опрокинулось.

Наполеон, не понимая причины внезапного переполоха, продолжал подвигаться навстречу зачерневшим войскам. Вдруг адъютант императора Рапп крикнул ему: «Скорей назад! Это они!» Он схватил за повод лошадь Наполеона, поворачивая ее со словами: «Ваше величество! Это необходимо!»

Гордость Наполеона не позволила ему бежать, и он остался на месте, ожидая казаков; маршал Бертье и генерал Коленкур последовали его примеру. Рапп едва успел повернуться лицом к казакам, как один из них с такой силой вонзил копье в грудь его лошади, что поверг его на землю. В ту же ми-

нуту вся лава, пересекая дорогу, устремилась на богатый обоз, опрокидывая людей, лошадей, экипажи. Тщетны были усилия и крики начальников, старавшихся собрать войско: казаки нашли в обозе бочонки с золотом. Тем временем из Городни подоспели конвойные драгуны и конные гренадеры. Вместе со свитой императора они атаковали донцов и принудили их отступить. Придя в себя, Наполеон продолжил путь к Малоярославцу, обозревал поле сражения и русскую позицию, но никаких распоряжений к бою не сделал.

Бездействие его привело Кутузова к заключению, что грозный противник имеет новые замыслы и что, не успев при Малоярославце пробиться на Калугу и изобильные места, он, вероятно, хочет открыть себе туда путь через Медынь на Юхнов. Фельдмаршал еще более укрепился в этом мнении, получив известие о появлении на Медынской дороге авангарда Понятовского. Желая предупредить Наполеона со стороны Медыни и в то же время не упустить из виду Новой Калужской дороги, он приказал в ночь с 13 на 14 октября армии отойти на Детчину, а затем еще дальше, к Полотняному заводу.

Фельдмаршал ясно видел, что стоять долее при Малоярославце не было причины. Коль скоро Кутузов приближался к Медынской дороге, Наполеону не оставалось ничего другого, как отходить на Можайск, Гжатск и Вязьму, по пепелищам сожженных городов и селений, где не было заготовлено никаких запасов и его ожидал голод.

Подтверждение проницательности Кутузова не замедлило явиться. Уже 14 октября начальник авангарда Милорадович донес Кутузову, что Малоярославец оставлен неприятелем. Наполеон шел так поспешно, что направление его отхода угадать было нелегко. Однако вскоре Платов сообщил в ставку, что преследует французов по Смоленской дороге, что

он атаковал неприятеля с фланга и отнял у Колоцкого монастыря 25 орудий. Стало ясно, что Наполеон стремится прочь из России, и надо было не допустить французов отступать через неразоренные губернии.

Находившийся при авангарде Ермолов отправил донесение о необходимости главной армии двигаться кратчайшим путем на Вязьму. Кутузов согласился с этим и поручил ответ генерал-квартирмейстеру Толю, который известил Ермолова: «Вследствие Вашего письма ко мне и рапорта светлейшему, делает армия ныне движение свое по дороге от Кременского к Вязьме».

С этого момента Кутузов начал свое знаменитое параллельное преследование, которое привело французскую армию к скорой катастрофе.

Французы следовали столбовой дорогой: в голове Наполеон с гвардией, за ними Жюно и Понятовский, потом вице-король Евгений и Ней; Даву заключал марш. Они покидали на пути раненых, больных, тяжести. Конница их перестала показываться в арьергарде; из-за недостатка в корме и подковах лошади так ослабели, что кавалерию отвели за пехоту, беспрестанно ускорявшую отступление. Поспешность была единственным средством скорее миновать пустыню, лишенную средств пропитания, достигнуть Днепра, где французы надеялись найти хлебные запасы и вступить в соединение с корпусами Виктора и Сен-Сира. Французы шли так быстро, что Милорадович с Ермоловым не успели предупредить их в Гжатске, а потому 20 октября русский авангард проселочными дорогами спустился чуть южнее Смоленского тракта. Платов двигался позади Даву и едва успевал нагонять его.

Между тем погода с каждым днем становилась суровее. Холодный осенний ветер делал неприятельские бивуаки нестерпимыми и рано, гораздо прежде

зари, выгонял французов из ночлегов. Впотьмах снимались они с лагеря, все роды войск старались обгонять друг друга. Взятые из Москвы запасы были скоро съедены, а сворачивать с дороги для добывания продовольствия не представлялось возможным: казаки рыскали по сторонам, кололи и брали всех, кто ни попадался.

К русскому авангарду присоединялись из соседних селений крестьяне, нередко во французских плащах, киверах, касках с лошадиными хвостами, стальных кирасирских нагрудниках. Они выезжали из лесов, где скрывались их семейства, приветствовали появление русского войска, поздравляли его с бегством супостатов. «Ну, слава богу, вся Россия в поход пошла!..» — говорили солдаты.

Страх попасть в руки казакам и крестьянам превозмогал в неприятеле чувство голода и удерживал от мародерства. В наполеоновской армии появились признаки страшного зла — неподчинения. Французы начали бросать оружие. Из безоружных составились сперва небольшие толпы; тащась за войском, они увеличивались, подобно катящемуся снежному кому. Императору уже было не до них. Миновав Гжатск, Наполеон не ехал более верхом среди солдат, а пересел в карету, надев соболью шубу, теплые сапоги и шапку. Он двигался с гвардией, опережая прочие войска на целые сутки. Русская армия противником была потеряна. Начальствовавший над задними корпусами вице-король Италии Евгений, видя всегда одних казаков, даже не подозревал, что на его левом фланге может появиться авангард Кутузова в больших силах.

21 октября Наполеон, дав в Вязьме сутки отдохнуть гвардии, пошел далее по Смоленской дороге к Дорогобужу. Он приказал маршалу Нею остановиться в городе, пропустить прочие войска и вместе с Даву составить новый арьергард. Корпуса вице-

короля Италии и Понятовского пришли в село Федоровское, перед Вязьмой, а корпус Даву еще тянулся столбовой дорогой из Царева-Займища. Русские силы располагались так: авангард Милорадовича — в нескольких верстах южнее Федоровского, в селении Спасском; Платов — на марше позади Даву; главная армия — на проселочной дороге, в 27 верстах от Вязьмы.

Конница авангарда приблизилась к Смоленскому тракту, и начальники корпусов Васильчиков и Корф взошли на сельскую колокольню. Отсюда в зрительную трубу ясно увидели они неприятельскую армию, шедшую в сильном беспорядке. На их глазах казаки генерала Карпова вымчались прямо на столбовой тракт и выхватили несколько обозов из самой середины французских корпусов. Они катили головней по большой дороге, рубя и коля все, что ни попадалось на пути.

На совещании было решено подвести авангард скрытно от неприятеля к удобному для атаки месту и поутру напасть на французов. Атаману Платову, усиленному 26-й дивизией, вменялось в обязанность что было силы напирать со стороны Царева-Займища, по столбовой дороге. По личному поведению Кутузова Ермолов переехал к Платову и получил в командование все находившиеся здесь регулярные войска.

На рассвете 22 октября ахтырские и киевские драгуны влетели на столбовую дорогу в промежуток между головами колонн Даву и задними войсками вице-короля Евгения, частью рассеяли, частью полонили их и стали поперек дороги. Харьковские драгуны приняли левее и перешли дорогу, против которой Милорадович поставил три конные батареи. За орудиями и по сторонам расположились прочие кавалерийские полки в ожидании пехоты. Если бы она подошла в то время, Даву, уже отрезанный от Вязь-

мы, оказался бы в мешке. Но пехота находилась еще далеко.

Тем временем Ермолов вогнал французский арьергард в село Федоровское, где противник оказал самое упорное сопротивление и даже покушался захватить батарею. Приспевшие бегом полки 26-й дивизии восстановили порядок. Развивая успех, Ермолов послал донцов с частью артиллерии в обход Даву с правого фланга, на соединение с авангардом.

Видя себя окруженным, Даву остановился в намерении собраться, устроиться и потом идти напролом. Находившиеся в Вязьме вице-король Евгений и Понятовский услышали за спиной сильную канонаду и поворотили назад. Они превосходили числом русские силы: еще не вся пехота авангарда прибыла на место боя, и только две дивизии, перегородив дорогу, не пускали корпус Даву.

Было 10 часов утра. Авангард Милорадовича оказался между двух огней: Даву выступил из Федоровского в сомкнутых колоннах, а вице-король Евгений и Понятовский пришли от Вязьмы и открыли батареи. Однако Милорадович, завязав сражение, не хотел прекращать его, стремясь выиграть время до подхода главной армии. В результате совершенно расстроенный повторными атаками Ермолова и огнем батарей Милорадовича, Даву бросил обозы и стороной от большой дороги, левым берегом речки Черногрязье пробрался в тыл корпуса вице-короля Евгения и построился за ним.

При невозможности отрезать неприятеля от Вязьмы оставалось живо теснить его. Милорадович двинул войска вперед и в полдень соединился с Платовым, который рассеял по большой дороге остатки арьергарда Даву. Кавалерия вместе с партизанами Сеславина и Фигнера обходила фланги французского корпуса. Вскоре положение неприятеля сделалось еще опаснее: после полудня к Вязьме

прибыл Уваров с двумя кирасирскими дивизиями. Русские пошли на штурм города.

Перновский и Белозерский полки с музыкой, барабанным боем и распущенными знаменами ворвались в Вязьму, объятую пламенем; с правого крыла — донцы Платова, а с противоположной стороны — партизаны Сеславина и Фигнера. Неприятель стрелял из домов; разбросанные бомбы и гранаты с треском разряжались в пожаре. Но ничто не остановило натиска. Начавшееся на рассвете сражение кончилось в семь вечера. Французы были прогнаны, а защищавшиеся в домах истреблены или взяты в плен.

Неприятель потерял в этом бою до 4000 убитыми и ранеными и более 2000 пленными, в том числе и артиллерийского генерала Пелетье. Здесь, на пепелище старинного русского города, французы убедились, что их преследуют не одни казаки, и с этого момента они предались паническому страху быть на каждом шагу настигнутыми пехотой и регулярной конницей.

Герой войны 1812 г. и участник битвы за Вязьму генерал Ермолов отметил в своих «Записках»:

«В Вязьме в последний раз мы видели неприятельские войска, победами своими вселявшие ужас повсюду и в самих нас уважение. Еще видели мы искусство их генералов, повиновение подчиненных и последние усилия их. На другой день не было войск, ни к чему не служила опытность и искусство генералов, исчезло повиновение солдат, отказались силы их, каждый из них был более или менее жертвою голода, истощения и жестокостей погоды».

Наутро после сражения под Вязьмой забушевали ветры и поднялись метели. К голоду, опустошавшему армию пришельцев, теперь присоединилась свирепость зимы. И хотя термометр показывал еще не более 10 градусов, вьюги сделали холод нестер-

пимым для обитателей полуденной Европы. Все пространство от Вязьмы до Смоленска представляло вид беспрерывного кладбища или опустошительной чумы. На той самой дороге, по которой всего два месяца перед тем гордо шли в Москву ни кем дотоле не побежденные, валялись они теперь тысячами, мертвые или умирающие, ползали по пепелищам сожженных ими селений, по конским и человеческим трупам.

После первых утренних морозов дороги покрылись стеклянистым ледяным лоском, стали скользки. Французские лошади, не подкованные на шипы, падали под пушками и седоками, а когда после того выпал снег, истощались в бесплодных усилиях. Конница гибла. Для артиллерии стали брать лошадей от обозов, а обозы кидать на дороге вместе с награбленной в Москве добычей. Близ деревни Семлево французы бросили в озеро большую часть старинных воинских доспехов из московского арсенала. Наполеону было уже не до трофеев; он старался только сохранить лошадей для спасения орудий.

Все ощутимее становились для отступавшего французского воинства удары партизан. Денис Давыдов, соединясь с Сеславиным и Фигнером, появился у селения Ляхово, где стоял сильный отряд генерала Ожеро. Для совместного нападения партизаны соединились с шестью казачьими и одним драгунским полком Орлова-Денисова. Сперва русские отрезали французов от маршевых батальонов, находившихся между Ельней и Смоленском, причем были разгромлены посланные в помощь Ожеро кирасиры. Затем под угрозой полного истребления они принудили отряд к капитуляции: Ожеро сдался с 60 офицерами и 2000 рядовыми. Здесь в первый раз во всем походе целый неприятельский отряд сложил оружие.

Тогда же Платов, отделясь от авангарда вправо,

пошел проселочными дорогами за корпусом вице-короля Евгения, взявшим направление на Витебск. Он нагнал хвост колонны, захватил 3000 пленных и отбил 64 орудия. После того казачий атаман прижал французов к реке Вопь, полонил еще 2000 человек и овладел 23 пушками, оставив вице-королю всего 12. Обескровленный итальянский корпус повернул к Смоленску, на соединение с главными силами. Платов преследовал противника, не давая ему опомниться, и 31 октября сам появился со своими донцами под стенами Смоленска, где сосредоточились корпуса Наполеона.

Общее положение к тому времени настолько переменилось в пользу русских, что Наполеону оставалось помышлять только о спасении остатков своих войск и собственной персоны поспешным бегством. На северо-западе корпус Витгенштейна потеснил маршалов Виктора и Сен-Сира и овладел Витебском; на западе адмирал Чичагов с частью Молдавской армии оторвался от староживших его австрийцев и саксонцев и пошел на Минск.

Но, пожалуй, самым важным было известие, что Наполеон с гвардией начал марш из Смоленска к г. Красному.

Трехдневный бой у Красного завершился полным разгромом неприятеля. Трофеями сражений 4, 5 и 6 ноября были 26 тыс. пленных, в том числе 6 генералов, 116 пушек и обоз. Убитых никто не считал. Корпуса Даву и Нея перестали существовать. Впрочем, это уже был не бой, а избиение. Только старая гвардия, обеспечившая отход остаткам наполеоновского воинства, сохраняла боеспособность. Стройно и грозно маневрировала она во время сражения. Осененные высокими медвежьими шапками, в синих мундирах, в белых ремнях с красными султанами и эполетами, гвардейцы казались, как маков цвет, среди снежного поля. Тем ужаснее выглядели орды,

составлявшие некогда грозные корпуса Даву и Нея.

Вышедший последним из Смоленска 6 ноября с 15-тысячным отрядом (половина его войск была без оружия), Ней был брошен Наполеоном на произвол судьбы и попал в огневой мешок, уготованный ему Милорадовичем, ставшим по обе стороны столбовой дороги. Это было истребление артиллерийским огнем, который прекратили задолго до сумерек, полагая, что французы сдадутся. Ермолов принял капитуляцию 6-тысячной толпы; сам Ней с несколькими сотнями солдат ползком перебрался через полузамерзший Днепр и бесславно явился в Оршу.

Кутузов за удачные действия под г. Красным и во всей Смоленской губернии указом на имя сената был удостоен титула Смоленского. Милорадовичу были пожалованы знаки ордена св. Георгия 2-го класса; Платов возведен в графское достоинство.

Когда на третий день сражения Кутузову стало известно о множестве захваченных пленных, пушек и обозов и, наконец, фургона Даву, где нашли и маршальский жезл его, престарелый фельдмаршал пришел в восторг. Это был единственный случай, когда близкие видели его пустившимся в галоп на своем белом мекленбургском коне. Он подъехал к выстроенным по случаю победы гвардейским полкам и вскричал «Ура!», которое повторилось мощным эхом. Поздравив отборное войско с победой, фельдмаршал сказал: «Дети! Знаете ли, сколько взято орудий? Сто шестнадцать!— и, указывая на французские орлы, присовокупил:— Как их, бедняжек, жаль! Вон, они и головки повесили. Ведь им и холодно, и голодно...»

Приняв от войска поздравления, Кутузов был встречен начальником гвардейского корпуса Лавровым, который просил князя на чашку чая. Полководец сошел с лошади, сел на походный стул и, рассматривая знамена, привешенные к французским

орлам, прочитал вслух: «Ульм... Аустерлиц...» Тут он оглядел плотную толпу, собравшуюся вокруг, и добавил, указывая на надпись «Аустерлиц»: «Вот имя, которого я терпеть не могу. Но, впрочем, умываю в этом руки. Я этого сражения никогда не хотел...»

Уже весь гвардейский корпус, от старого до малого, сбежался к бивуаку, желая наглядеться на обожаемого полководца. Никто из гвардейцев не чувствовал ни грязи под собою, ни сыпавшегося вслед за наступившей оттепелью дождя.

Кутузов достал из кармана бумажку, прочитал ее и заговорил снова в благоговейном молчании: «Где этот собачий сын Бонапарт сегодня ночует? Я знаю, что в Лядах он не уснет спокойно. Александр Никитич Сеславин дал мне слово, что он сегодня не даст ему покоя... Вот послушайте-ка, господа, какую мне прислал побасенку наш краснобай Крылов...— и, не заглядывая в бумажку, начал пересказывать: — «Собрался волк в овчарню, а попал на псарню. Войти-то он вошел, да вот как пришлось выбираться оттуда — давай за ум. Собаки на него стаей, а он в угол, ощетинился и говорит: «Что это вы, друзья! За что это вы на меня? Я не враг вам. Пришел только посмотреть, что у вас делается, а сей час и вон выйду». Но тут подоспел псарь, да и отвечает ему: «Нет, брат, волчище, не провесть тебе нас! Правда, ты сер...— тут фельдмаршал скинул свою белую фуражку и, потрясая наклоненною головою, продолжил: — а я, приятель, сед!» И пустил стаю псов на него...»

Воздух сотрясся от громовых восклицаний гвардейцев.

Кутузов с главными силами не мог идти тотчас за разбитым Наполеоном, который с величайшей поспешностью отступал через Дубровну в Оршу. Нескольким небольшим отрядам велено было «трево-

Ф. П. Уваров

жить французов как можно более, наипаче в ночное время». Тогда же фельдмаршал составил новый сильный авангард главной армии из лейб-гвардии егерского, Финляндского, кирасирского и двух казачьих полков, гвардейской пешей артиллерии и роты конной артиллерии, поручив командование им Ермолову. Авангарду было приказано преследовать Наполеона и находиться в связи с Платовым, шедшим по правому берегу Днепра на Дубровну и Оршу, добивая по пути остатки корпуса Нея.

Семь дней сквозь толпы отставших и полумертвых французов, разоренными дорогами, мимо сожженных деревень двигался Ермолов от Дубровны до Борисова, где соединился с Молдавской армией Чичагова. Близился финал великой войны, приковавшей к себе взоры всей порабощенной Наполеоном Европы. На берегах Березины завоевателю угрожала, по-видимому, совершенная гибель. В то время как обломки французской армии спешили к Борисову,

чтобы уйти через Березину, сюда же с трех сторон сходились Молдавская армия Чичагова, корпус Витгенштейна и войска Кутузова с авангардом впереди.

Русская армия не давала отдыха противнику ни днем ни ночью, не позволяя изменить путь отступления. Кутузов не ограничивался только приказами корпусным генералам. Он обращался ко всем солдатам и офицерам и призывал их не ослаблять темпов преследования неприятеля.

«После таковых чрезвычайных успехов, одерживаемых нами ежедневно и повсюду над неприятелем,— указывал он в одном из таких документов,— остается только быстрее его преследовать, и тогда, может быть, земля русская, которую мечтал он поработить, усеется костьми его. Итак, мы будем преследовать неутомимо. Настает зима, вьюги и морозы. Вам ли бояться их, дети Севера? Железная грудь ваша не страшится ни суровости погод, ни злости врагов. Она есть надежная стена Отечества, о которую все сокрушается... Пусть всякий помнит Суворова: он научал сносить и голод, и холод, когда дело шло о победе русского народа».

Существует мнение (его, в частности, придерживался и Л. Н. Толстой в своем гениальном романе «Война и мир») о будто бы пассивности Кутузова, предавшего гибель французской армии на волю стихийных сил: голода, измождения, наступавших холодов. Мнение это крайне ошибочно, оно опровергалось и наиболее проницательными западными военными историками.

«Никогда преследование неприятеля в большом масштабе,— отмечал известный немецкий теоретик военного искусства К. Клаузевиц,— не велось так энергично и с таким напряжением сил, как в эту кампанию... В ноябре и декабре, после крайне тяжелой, напряженной кампании, среди снегов и льдов

России, то по плохим проселочным дорогам, то по совершенно опустошенной большой дороге, при крупнейших продовольственных затруднениях, преследовать бегущего неприятеля на расстоянии 120 миль в течение 50 дней представляет собою, пожалуй, нечто беспримерное... Такое напряжение делает великую честь князю Кутузову».

Между тем, заняв Минск, Чичагов получил предписание Кутузова не мешкая закрыть французам дорогу у Борисова, где по планам фельдмаршала должна была быть уготована гибель наполеоновской армии. Самоуверенный Чичагов незадолго до того отдал приказ о поимке французского императора: «Наполеонова армия в бегстве; виновник бедствий Европы с ней. Мы находимся на путях его. Легко быть может, что Всевышнему будет угодно прекратить гнев свой, предав его нам. Посему желаю, чтобы приметы сего человека были всем известны. Он росту малого, плотен, бледен, шея короткая и толстая, голова большая, волосы черные. Для вящей же надежности ловить и приводить ко мне всех малорослых».

Чичагов, Витгенштейн, отряды Платова, Ермолова, Милорадовича, а за ними главная армия спешили к Березине. Ночью 9 ноября головной отряд Чичагова разбил польский легион Домбровского и занял Борисов с запада. Французская армия оказалась в отчаянном положении; наполеоновские маршалы шепотом переговаривались уже о неизбежной капитуляции, когда грубые просчеты Чичагова и Витгенштейна позволили неприятелю выскользнуть из уготованной ему петли.

Чичагов неосмотрительно выслал вперед всего лишь трехтысячный отряд, который натолкнулся на корпус Удино. Пользуясь более чем трехкратным превосходством, французы на плечах отступавших ворвались в Борисов. Мало чем помог Чичагову и

интриговавший против него Витгенштейн. Несогласованность и нерешительность явили свои плоды. Наполеон ложным маневром отвлек обоих командующих от истинного места переправы — севернее Борисова, у Студянок. Весь день 15 ноября французы беспрепятственно переходили через реку по наскоро выстроенным мостам, и только 16 ноября Чичагов и Витгенштейн решились атаковать неприятеля с обоих берегов Березины.

В то время как стрелки Чичагова, рассыпавшиеся в лесу у Студянки, теряя много людей, подавались то назад, то вперед, Витгенштейн с левого берега наседал на арьергардный корпус маршала Виктора. Французские войска стояли в полукружии, имея мосты в своем тылу и отстреливаясь из батарей. Если бы в то время все силы Витгенштейна действовали совокупно, погибель корпуса была бы полной. Однако, промедлив, он дал возможность неприятелю продолжать переправу по трем наведенным мостам.

Лишь в первом часу пополудни 17 ноября солдаты Витгенштейна, разметав препятствия, заняли возвышенности левого берега Березины, с которого ударили русские батареи. Поднялась паника. Тысячи солдат и офицеров прокладывали себе путь в толпе холодным оружием. Переправы, установленные на слабых столбах, рухнули одна за другой. Русская картечь разила оставшихся на левом берегу, и они, в тщетной надежде спастись, бросались в реку. Но тонкий лед ломался, люди и экипажи исчезали под ним.

На другой день страшная картина открылась русским с берегов Березины.

Река была покрыта льдом, прозрачным, как стекло. Под ним, во всю ширину реки, видны были тысячи погибших. Иные, схваченные морозом, возвышались над поверхностью; выделялись стоявшие, как статуи, окоченевшие кавалеристы на лошадях —

в том положении, в каком застала их смерть.

«Верно, никогда уже не случится мне увидеть столь ужасное зрелище,— заметил в своих «Записках» генерал Ермолов.— Судьба, отмщевающая за нас, предоставила нам здесь все роды отчаяния, все виды смерти. Неприятель бросил все, что имел,— огромное число артиллерии и обозов. Не перешли Березину богатства ограбленной Москвы! Враг понес срам бегства, и краток срок существования разрушающихся остатков его армии...»

На Березине французы потеряли свыше 40 тыс. человек.

28 ноября 1812 г. авангард русской армии вошел в Вильно; вечером туда прибыл Кутузов.

«Эти последние дни, при приближении к Вильне, были так деятельны,— сообщал он своей дочери,— что я не имел времени писать ко двору, потому что все продвигалось к концу... Неприятель очистил все границы. Надобно заметить, что Карл XII вошел в Россию с 40 000 войска, а вышел с 8000. Наполеон же прибыл с 480 000, а убежал с 20 000 и оставил нам по крайней мере 150 000 пленными и 850 пушек».

Бегство жалких остатков «великой армии» продолжалось. В Ковно, куда Наполеон привел полгода назад почти 600-тысячную армию, возвратились после похода на Россию лишь тысяча вооруженных и 20 тыс. безоружных солдат.

Так завершился подвиг русской армии и русского народа. В течение 7 месяцев потеряв не менее 8 губерний, оказавшихся во власти неприятеля, лишившись древней столицы, обращенной в пепел, имея в сердце своем более 500 тыс. враждебных полчищ, грозивших истреблением, Россия восторжествовала. Все было исполинским в Отечественной войне: дерзость предприятия, способы, принятые для его исполнения, средства обороны, гений Кутузова.

Она была борьбою столько же материальных, сколько и нравственных сил. Исполненные самоотвержения, двинулись храбрые ополчения России, богатырское ее войско. Ударил час освобождения.

21 декабря 1812 г. русскому воинству был прочитан исторический приказ фельдмаршала Кутузова:

«Храбрые и победоносные войска! Наконец вы на границах империи. Каждый из вас есть спаситель Отечества. Россия приветствует вас сим именем. Стремительное преследование неприятеля и необыкновенные труды, поднятые вами в сем быстром походе, изумляют все народы и приносят нам бессмертную славу. Не было еще примера столь блистательных побед: два месяца с ряду руки ваши каждодневно карали злодеев. Путь их усеян трупами. Токмо в бегстве своем, сам вождь их не искал иного, кроме личного спасения. Смерть носилась в рядах неприятельских; тысячи падали разом и погибали.

Не останавливаясь среди геройских подвигов, мы идем теперь далее. Пройдем границы и потщимся довершить поражение неприятеля на собственных полях его. Но не последуем примеру врагов наших в их буйстве и неистовствах, унижающих солдата. Они жгли дома наши, ругались святынею, и вы видели, как десница Вышнего праведно отмстила их нечестие. Будем великодушны, положим различие между врагом и мирным жителем. Справедливость и кротость в обхождении с обывателями покажет им ясно, что не порабощения их и не суетной славы мы желаем, но ищем освободить от бедствия и угнетений даже те самые народы, которые вооружились против России».

После Бородина

Вместо послесловия

Выполнив свою великую миссию и словно исчерпав этим судьбу, Кутузов тихо скончался 16 апреля 1813 г. в маленьком городке Бунцлау. Русские войска были уже в Пруссии и Польше. Летучие отряды корпуса Витгенштейна выгнали французов из Берлина, Ганновера, потревожили Гамбург, и уже ка-

заки залетели на самый Рейн к Майнцу.

Разгром наполеоновских полчищ на полях России вызвал всеобщий национально-освободительный подъем народов Центральной и Западной Европы. Немцы, австрийцы, венгры, испанцы, португальцы, итальянцы искали возможности выступить против поработителя. Летом 1813 г. создалась могучая коалиция, куда входили Россия, Пруссия, Швеция, Англия и Австрийская империя. «Всеобщая война народов против Наполеона,— указывал Ф. Энгельс,— была реакцией национального чувства, которые Наполеон попирал ногами у всех народов». И хотя ценой отчаянных усилий, напряжением полководческого гения Наполеон и добивался отдельных крупных успехов (победа в Дрезденском сражении 14—15 августа 1813 г.), его армия была уже обречена на поражение. Сам он оказался внутренне надломлен полной катастрофой русского похода, а военная мощь Франции, потерявшей лучший кадровый состав солдат и офицеров, не могла восстановиться, несмотря на повальную мобилизацию, непрерывные жесточайшие поборы и напряжение всех экономических сил страны.

В трехдневном сражении под Лейпцигом (4—7 октября), известном в истории как «битва народов», французские войска потерпели поражение и начали отступать за Рейн. По-прежнему решающую роль в битвах играла русская сила, русский солдат, а ученики Суворова — Милорадович, Раевский, Остерман-Толстой, Ермолов, Воронцов — покрыли себя новой славой. В начале 1814 г. союзные армии вошли в пределы Франции и 18 марта заняли Париж. В октябре того же года в Вене начал работать конгресс, который должен был решить вопросы политического устройства Европы. После побега Наполеона с острова Эльбы и высадки во Франции последовали знаменитые «сто дней» его царствования,

Памятник солдатам, офицерам, генералам армии Наполеона

Памятник
фельдмаршалу
Кутузову

завершившиеся битвой при Ватерлоо и вторичным отречением от престола в 1815 г.

В стихотворении «Наполеон» Пушкин глубоко постиг и роковую ошибку завоевателя, и смысл подвига русского народа в двенадцатом году, и неисчислимые последствия этого подвига.

Надменный! кто тебя подвигнул?
Кто обуял твой дивный ум?
Как сердце русских не постигнул
Ты с высоты отважных дум?
Великодушного пожара
Не предузнав, уж ты мечтал,
Что мира вновь мы ждем, как дара;
Но поздно русских разгадал...
Оцепенелыми руками
Схватив железный свой венец,
Он бездну видит пред очами,
Он гибнет, гибнет наконец.
Бежат Европы ополченья;
Окровавленные снега
Провозгласили их паденье,
И тает с ними след врага.
И всё, как буря, закипело;
Европа свой расторгла плен;
Во след тирану полетело,
Как гром, проклятие племен...

Но, взломанные бурными событиями французской революции и наполеоновских войн, феодальные латы уже не годились для того, чтобы с прежней прочностью облечь тела европейских народов. Тиран и деспот, Наполеон объективно проложил путь новым, более прогрессивным отношениям — буржуазным. Однако обновление это шло у разных народов разными путями, подчас мучительно, через многочисленные социальные драмы и трагедии.

Бородино и вся Отечественная война 1812 г. явились огромным ускорителем в развитии национального самосознания русского народа. Крепостниче-

Братская могила
советских воинов
на Бородинском поле.

ские узы — «тягостный ярем» — теперь уже казались вопиющей несправедливостью и вызывали гневный протест у лучших сынов народа-победителя. Молодые вольнолюбивые офицеры, герои Бородина, возмужавшие в кровопролитных сражениях с наполеоновской армией и победоносно вошедшие в Париж, возвращались на родину, мечтая победить невежество и косность, освободить своих соотечественников от оков позорного рабства. Так, горячий патриотизм, любовь к своему Отечеству порождали вольнолюбие, стремление видеть Россию не только свободной от иноземного господства, но и переустроенной на принципах справедливости и равенства всех граждан. Так складывалась и крепла освободительная, революционная традиция, идущая из прошлого в сегодняшний день.

Словарь военно-исторических терминов

Авангард — элемент походного охранения в сухопутных войсках, совершающих марш.

Арьергард — тыловая охрана, силы прикрытия при отходе.

Банник — щетка, насаженная на древко и предназначенная для ручной чистки (банения) и смазки ствола орудия.

Бивак, бивуак — расположение войск на отдыхе вне населенных пунктов.

Гаубица — артиллерийское орудие, предназначенное для навесной стрельбы.

Гласис — пологая насыпь, непосредственно примыкающая к наружному рву крепости.

Гренадеры — разновидность пехоты в европейских армиях XVII—XX вв. В русской армии в 1811 г. гренадерские полки были сведены в две гренадерские дивизии.

Гусары — разновидность легкой кавалерии. В русской армии в 1812 г. было 12 гусарских полков; в ходе войны гусары явились основой для создания ряда партизанских отрядов.

Дефиле, дефилея — узкий проход, теснина.

Драгуны — кавалерия, предназначенная для действий как в конном, так и в пешем строю. Перед войной 1812 г. в рус-

ской армии было 36 драгунских полков и лейб-гвардии драгунский полк.

Егеря — разновидность легкой пехоты в армиях европейских государств в XVIII—XIX вв. Егеря конные — легкая кавалерия, предназначенная для ведения разведки, поисков и рейдов в тыл противника.

Единорог — гладкоствольная гаубица для стрельбы настильным и навесным огнем, разработанная в России в 1757—1759 гг. и состоявшая на вооружении свыше ста лет.

Инфантерия — пехота.

Кавалергарды — личный состав особенных кавалерийских частей в русской гвардии, исполнявший обязанности телохранителей русских царей и почетной стражи во время коронаций и торжеств. В 1800 г. был создан кавалергардский полк, отличившийся в войне 1812 г.

Каре (буквально: квадрат) — форма построения и боевого порядка пехоты.

Картечь — снаряд ближнего действия, предназначенный для открытого поражения живой силы противника.

Кивер — военный головной убор, высокий, с плоским верхом и с подбородочным ремнем.

Кирасиры — воины тяжелой кавалерии, которые были защищены кожаными или металлическими пластинами (кирасой). Перед Отечественной войной 1812 г. в русской армии имелось 10 кирасирских полков.

Лейб- — первая часть сложного слова, обозначающая: непосредственно состоящий при монархе. Отсюда лейб-гвардия, лейб-казаки и т. д.

Люнет — открытое с тыла полевое или долговременное оборонительное сооружение.

Мушкетеры — разновидность пехоты. После Семилетней войны с Пруссией мушкетерские полки в русской армии были переименованы в пехотные, однако в 1796 г. 55 пехотных полков вновь получили наименование мушкетерских.

Редут — сомкнутое полевое укрепление разнообразной формы: круглое, прямоугольное, квадратное и т. д.

Уланы — разновидность легкой кавалерии. В русской армии первый уланский полк был сформирован в 1803 г.

Флешь — полевое укрепление, вынесенное перед фронтом и построенное в форме тупого угла.

Шанц — полевое укрепление, окоп. *Шанцевать* — рыть окопы, строить укрепления.

Бородино

Олег Николаев
Михайлов

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО
ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Художники
Ю. И. Селиверстов,
А. А. Райхштейн

Фото
Г. Д. Васюкевич,
П. С. Старостина

Зав. редакцией
В. Кирьянов

Редактор
Н. Габисония

Младший редактор
Т. Плотникова

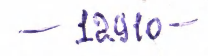
Художественный
редактор
В. Лобачев

Технический редакто|
Т. Морозова

Корректор
Н. Минервина

Содержание

ИБ № 677

Сдано в набор 16.12
Подписано в печ
19.04.82. А07393. Ф
мат 70×100/32. Бум
офсетная № 1. Усл. і
л. 5,16. Уч.-изд. л. 5
Усл. кр.-от. 21,12. Ти
200 000 экз. Печать
сетная. Гарнит
школьная. Заказ № 7
Цена 30 коп.
Издательство «Педаго
ка» Академии педаго
ческих наук СССР и
сударственного коми
СССР по делам из
тельств, полиграфии
книжной торговли. Мо
ва, 107847, Лефорт
ский пер., 8.
Ордена Трудового Кр
ного Знамени Калин
ский полиграфичес
комбинат Союзполигр
прома при Государст
ном комитете СССР
делам издательств, по
графии и книжной т
говли. г. Калинин,
Ленина, 5.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПЕДАГОГИКА»

Москва
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
1981

30 коп.

Читайте
следующую
книгу
библиотечки
«Ученые —
школьнику»!

Надолго ли хватит на Земле топлива и в чем сущность энергетического кризиса.

●

Как действуют атомные электростанции, их будущее.

●

В чем трудности создания термоядерного реактора.

●

Перспективы использования энергии солнца, ветра, подземного тепла, морских приливов и отливов, энергии волн.

●

Об этом и о многом другом рассказывается в книге «Энергетика сегодня и завтра», которую написал для старшеклассников академик АН СССР В. А. Кириллин.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПЕДАГОГИКА»

